

В 33-9

Г 95

В. ГУРКО-КРЯЖИН.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
ПЕРСИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОМЕТЕЙ“
МОСКВА 1925

Blank rectangular area at the top of the page.

John S. Johnson

1942

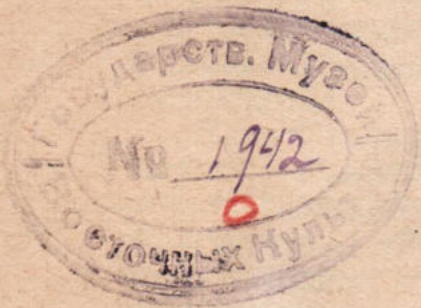
1942

B33-9

Г95

В. ГУРКО-КРЯЖИН.

КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ ПЕРСИИ

Москва
Изд. „ПРОМЕТЕЙ“
1925

Р. С. С. С. Р.
М. П. Р. Е. С. С. Р. О. В.
Г. Л. А. В. Н. А. У. Н. А.
М. У. З. Е. Й
И. С. Т. О. Р. И. Я. - С. И. М. П. Л. А. Р.
1939 г.

Л. П.
Г. П. О. С. Т. О. В. А.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Несмотря на то, что наш Союз имеет около 5000 верст пограничной линии с Персией; несмотря на то, что Россия с XVI века находилась в регулярных торговых сношениях с ней, а в течение всего XIX и XX в. вела в Иране крайне интенсивную политику, — русская литература о Персии необычайно бедна. Лучшее чем мы располагаем, это военно-топографические и военно-статистические описания страны, сделанные по заданиям штабов Кавказского и Туркестанского округов и преследующие главным образом военно-практические цели. Труды по экономике, благодаря отсутствию в Персии статистики и малой изученности ее районов, — носят предварительный характер и сводятся к двум-трем общим очеркам (А. Хашаба, Томара и др.). Несколько лучше обстоит дело с изучением персидской торговли, благодаря заинтересованности в последней России и наличию статистики бельгийских таможен. Весьма плохо обстоит дело с изучением социального строя страны, которое, можно сказать, еще и не начиналось. Кроме двух-трех работ (особняком стоит прекрасная книга Л. Тигранова: «Из общественно-экономических отношений в Персии») и нескольких журнальных статей — мы здесь ровно ничем не располагаем.

Также плохо обстоит дело с литературой по истории Персии. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией (изд. Н. Веселовским), фрагменты из «Русской Истории» М. Н. Покровского, переводы западных путешественников — вот все, чем мы располагаем по истории сношений России с Ираном.

Общих очерков персидской истории на русском языке нет, помимо явно недостаточных глав в тех или иных книгах, посвященных Персии (напр. у А. Крымского: «История Персии и ее литературы»). Конституционное движение в Персии в начале XX века, правда, вызвало появление ряда брошюр, благодаря тому участию, которое принимала в подавлении этого движения царская Россия. Однако, кроме официальных «Сборников дипломатических документов, касающихся событий в Персии» (Изд. Мин. Ин. Дел), вся прочая книжно-статейная продукция носит ярко тенденциозный и газетно-компилятивный характер (за исключением статей о Персии М. Павловича и его книги «Империализм и борьба за великие пути»). Наконец,

эпоха мировой войны в истории Персии, тесно сплетающейся с Закавказьем, не нашла до сих пор отражения в исторической литературе. Лишь события последних двух трех лет получили вполне доброкачественное освещение на страницах журналов: «Новый Восток» и «Вестник НКВД» (несколько раз менявшего свое название) и др. (статьи С. Иранского, В. Осетрова и Султан-Заде).

Чем же объясняется эта хилость русской литературы по экономике и истории Персии? По авторитетному заявлению акад. В. В. Бартольда: «бедность русской литературы о Персии и других мусульманских странах может быть объяснена только отсталостью русской науки»¹⁾. В силу ряда условий русское востоковедение до Октябрьской революции ограничивало поле своего изучения исключительно лингвистикой, археологией, искусством и историей религиозных стран Востока. Благодаря этому, не совсем нормальному ходу развития востоковедения, мы располагаем прекрасными трудами по персидской литературе XI—XIV в. в. (В. Жуковского, А. Крымского), по философии суфизма (того же Жуковского) по религиозному движению бабидов (Казем Бека, А. Туманского), наконец, по средневековой истории Ирана (В. Бартольд и др.). Но наряду с этим, как уже отмечалось выше, жизненный уклад и история современной Персии, знание которых так необходимо именно для России, совершенно пренебрегались нашими авторитетными востоковедами.

Не надо, впрочем, думать, что так печально и ненормально поставлено изучение Персии лишь в России. Ту же картину мы видим и в западной востоковедной науке, где уже цитированный акад. Бартольд правильно отмечает «пристрастие к древней культуре Ближнего Востока и пренебрежение к истории современных восточных народов» (стр. 147).

В области экономико-социального познания Персии здесь до сих пор является «стандартным трудом» известная книга Керзона, несмотря на то, что со времени ее опубликования уже прошло более 30-ти лет²⁾; в сфере истории до сих сохранил значение четырехтомный труд Малькольма, написанный в 1815 году. Лишь спустя сто лет Перси Сайкс издал двухтомную «Историю Персии», но она дает лишь политический ход событий и интересна главным образом для эпохи мировой войны и последующего

¹⁾ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2. 1925 г. стр. 282.

²⁾ Опуская разумеется сырые материалы, содержащиеся в ежегодных консульских донесениях, а также специальные работы посвященные финансам, нефти и т. п. (Демоглу, Lotfi).

периода, во время которого автор, английский генерал, принимал видное участие в судьбах страны.

Что касается до конституционного движения, то оно вызвало на Западе (главным образом в Англии) обильную литературу, но обычно ярко империалистического характера (Chisol, Frazer и др.) и потому совершенно «не-историческую». Исключения составляют здесь лишь многочисленные небольшие работы Э. Брауна, являющегося однако не историком, а одним из лучших знатоков персидской литературы, а также книга М. Шустера (*The strangling of Persia*). Наконец, военная и послевоенная эпохи пока нашли свое отражение лишь в мемуарной литературе (напр. *Dunsterville: "My Memories"*) и в немногих книгах (Бульфур, Demorgny и др.).

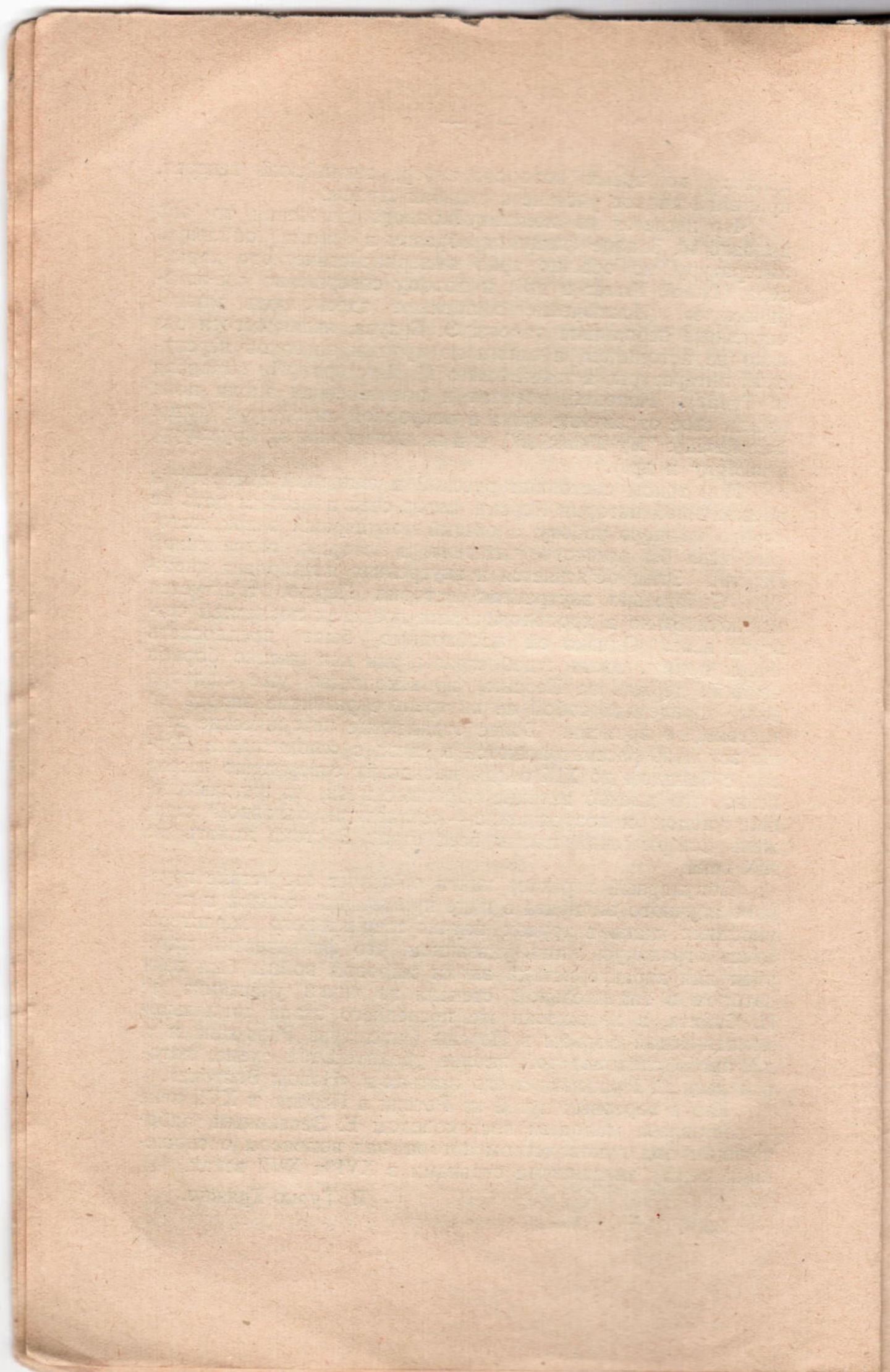
При таком состоянии русской и западной литературы посвященной истории Персии, автор счел полезным дать не строго научную работу, а общий популярный очерк, который ввел бы русского читателя в историю современной Персии. Этим объясняется и внутренняя планировка книжки. Собственно внутренняя история Персии трактуется исключительно в хронологических пределах последней четверти века. Однако ей необходимо было предпослать очерк политических судеб страны, так как именно борьба великих держав за Персию, происходящая уже полтора века, определяла собой ее внутреннее развитие вплоть до настоящего времени. Более отдаленные исторические этапы вскользь рассматриваются в связи с «сношениями Персии с Западом до XIX века», поскольку совершенно несомненно, что именно великие торговые пути, их видоизменения, упадок и возрождение — составляли основной стержень исторической жизни всех стран Востока вплоть до XIX века.

Популярный характер книги объясняет отсутствие грузного научного аппарата в виде примечаний, ссылок и т. п., уместных лишь в трудах научно-специального характера. Здесь ограничусь лишь указанием, что фактический материал для характеристики эпохи мировой войны был взят автором в значительной степени из книги участника ее П. Сайкса, в изложении же последнего этапа социально-политической борьбы в Персии (диктатура Риза-хана и т. д.) автор следовал той вполне убедительной схеме, которая дана С. Иранским в его статьях в «Новом Востоке».

Карта торговых путей из России в Персию в XVII веке — составлена молодым востоковедом Е. Зевакиным, работающим под руководством автора над вопросом о сношениях между указанными странами в XVI и XVII веках.

В. Гурко-Кряжин.

30/VI 25 г.

І. Борьба европейских держав за Персию.

1. Сношения Персии с Западом до XIX века.

Персия, точнее Иран¹⁾, в течение веков играла огромную роль в истории всей Евразии. Объясняется это прежде всего чисто географическими условиями. Иранское плато, имеющее среднюю высоту в 5—6000 футов, возвышается подобно колоссальному бастиону над окружающими его со всех сторон речными бассейнами и низменностями: Месопотамии, Аракса, Арало-Каспия и, наконец, Инда. Эта природная цитадель обнесена вдобавок почти сплошным валом высочайших хребтов: Загроша, Армении, Карадага, Эльбруса, Копет-Дага, Паропамиса, Гиндукуша, Сефид-Куха и Сулеймановых гор. Каменный пояс Ирана является весьма мало доступным. Лишь в немногих местах имеются в нем проломы, образуемые обычно реками, или же перевалы более или менее доступные для пешеходов и вьючных животных. На западной границе река Диала прорывает хоас гор Загроша и открывает единственный путь, ведущий из равнин Месопотамии на Иранское плато. На северо-западе река Котур-чай пробивает ущелье, открывающее доступ в Малую Азию и далее к побережью Черного моря. На восточной границе лишь река Теджен прорывает горные цепи отделяющие Иран от Арало-Каспийской низменности; все остальные дороги обходят горные цепи в наиболее доступных местах²⁾. Наконец, на восточной границе несколько перевалов и проломов в цепи Гиндукуша и Сулеймановых гор открывают исторические дороги ведущие из Передней и Средней Азии в Индию.

Суммируя все вышеуказанное мы вправе сравнивать Иран с огромной крепостью, круто поднимающейся над окружающими ее безграничными равнинами. Доступ в нее возможен лишь через несколько крепостных ворот необычайно хорошо приспособленных для обороны.

¹⁾ Персия составляет лишь часть замкнутого Иранского плато. Кроме нее в последнее входят Афганистан и Белуджистан, политически ведущие обособленное существование. Сами персы, как известно, называют свою страну Ираком.

²⁾ Напр., самая употребительная дорога из Мешхеда на Нишапур и далее в глубь страны идет через наиболее доступные перевалы Биналудского хребта между Джагерк-Дехруд или Шерифабад-Кадам-гах.

Эти естественно-географические факторы вполне объясняют ту историческую роль, которую был призван играть Иран в судьбах окружающих его стран. Находясь на стыке между Передним Востоком, Средним и Дальним, он в течение тысячелетий контролировал те великие торговые пути, которые связывали Средиземное море с Индией и Китаем. Обладание узкими ущельями, в которые с железной «географической» необходимостью втягивались великие транс-азиатские магистрали, предоставляло в распоряжение Ирана как-бы «контрольные пакеты» последних. Недаром, по меткому замечанию В. Берара, «здесь пересекаются диагонали старого мира». Этим же объясняется немного избыточное определение англичанами Ирана, как «столбовой дороги народов» (The highway of nations).

Уже за пять столетий до нашей эры великая торговая дорога, прозванная персами «царским путем», вела от Средиземно-морского южного побережья к древней столице Экбатане (Хамадану) и далее по Северной Персии через Рагу (Тегеран), Нишапур, к границам теперешнего Афганистана. Здесь дорога раздваивалась: северный зубец ее направлялся к оазисам Средней Азии, южный — через колоссальные горные барьеры — к долинам Индийского Пятиречья. На обладании этой колоссальной магистралью и было основано могущество персов ахеменидов. Завоевывая их империю (в к. IV в.), Александр Македонский стремился главным образом установить свой контроль над индо-персидской магистралью, по которой экспортировались на Запад в огромных количествах: пряности (перец), хлопчатобумажные ткани, химические краски и особой закалки сталь. В конце II-го века до нашей эры значение этой магистрали еще более возрастает, так как она смыкается с китайским путем и приводит Средиземное море в связь с побережьем Тихого Океана. По вновь открытой мировой артерии происходит оживленный обмен культурными ценностями: Китай посылает свой традиционный товар — шелк, получая взамен с Запада стекло, хрусталь и другие продукты римско-левантской индустрии. Не входя в излишние исторические детали укажу, что именно на владении контрольным участком транс-азиатского пути зиждилось значение великих иранских империй: парфян, а затем сасанидов, в течение семи веков победоносно сопротивлявшихся Римской Империи и Византии. В VII веке иранская цитадель получает свежий гарнизон в лице арабов, возродивших значение древнего среднеазиатского пути прозванного ими «Хорасанской дорогой». Сделав последнюю осью всей своей торговой деятельности, арабские купцы проторяют новые пути, приводившие их на юг к Индийскому Океану и на север к Балтийскому морю.

РЕЛЬЕФНАЯ КАРТА ПЕРСИИ

В X веке происходит процесс расщепления арабского халифата; в восточной части последнего возникают одно за другим национальные персидские государства, основывающие свое бытие на владении «воротами Ирана», по прежнему открывающими единственный доступ в Индию, Китай и Среднюю Азию. В последующие века (до начала XVI в.) мы видим непрерывную борьбу между монголами, турками и персами за ущелья, перевалы и за протянутую между ними историческую северную Иранскую дорогу — открывающую доступ к богатствам Индии и Дальнего Востока.

В конце XV века наступает поворотный момент в истории Евразии, связанный с утверждением турецкого владычества в Леванте, т. е. в восточной части Средиземного моря. Завоевав Малую Азию и Константинополь турки-османы подвергают чрезвычайным стеснениям ту оживленную торговлю, которую европейские купцы (гл. обр. итальянские) вели с Востоком. Они взимают огромные пошлины, ограничивают право транзита и, кроме того, подрывают средиземноморскую торговлю огромным развитием пиратства. Европейские купцы естественно начинают искать новых путей в Индию и Китай, которые обходили бы ту баррикаду, которая была воздвигнута турками в Леванте. Совершенно понятно, что поиски круглого морского пути на Восток исходили от тех государств, которые имели береговую линию на Атлантическом Океане и раньше принимали незначительное участие в левантской торговле, благодаря монопольному сосредоточению последней в руках двух могучих итальянских республик: Венеции и Генуи. Такими странами были Испания и Португалия. И вот мы видим как португальский моряк Бартоломей Диас в 1488 году огибает южную оконечность Африки, многозначительно прозванную им мысом Доброй Надежды; спустя десять лет другой португальский капитан Васко де Гама, идя в том же направлении уже достиг западного побережья Индии. Поиски круглого пути в Индию были закончены.

Открытие безопасного и дешевого (благодаря незначительности морского фрахта сравнительно с сухопутным) океанического пути вызвало форменную революцию в торговых отношениях Европы с Востоком. Старинные сухопутные магистрали, путешествие по которым было сопряжено с огромными стеснениями и риском — теряют свое прежнее значение и гложут. Этот процесс автоматически влечет за собой политико-экономическое падение тех стран, которые основывали свою мощь на эксплуатации трансасийских караванных путей. Начиная с XVI века, мы, действительно, видим прогрессирующий упадок итальянских республик, Турции и, наконец, Персии.

Конечно, нельзя представлять, чтобы эти страны сразу же очутились в стороне от мирового обмена и пережили молниеносный упадок. Европейская торговля с Востоком не могла немедленно и целиком перейти на новые рельсы; прошло более ста лет прежде чем этот процесс завершился и в течение этого времени левантийская торговля имела довольно значительные размеры. Тем не менее процесс политико-экономического захирения Турции и Персии неизбежно начался и продолжался с ростом значения морских путей, пока не достиг своей кульминационной точки в XVII и XVIII веках.

Процесс экономической и политической деградации Персии сильно замедлился, вдобавок, благодаря тому обстоятельству, что как раз в эту эпоху к ее северным границам приблизилась новая огромная сухопутная магистраль, шедшая из Европы, через Московское царство к Каспийскому морю. Уже со второй половины XV века мы видим, как Россия, освободившись от монгольского владычества, заводит оживленные дипломатические и торговые связи с Персией и даже с среднеазиатскими ханствами. В огромной степени усилились эти сношения после покорения при Иоанне Грозном Казани и Астрахани (1556 г.), что обеспечило за Россией владение естественной речной дорогой к Каспийскому морю — Волгой. Мы видим, как на всем протяжении последней возникает ряд городов и поселений, по великой реке начинают регулярно циркулировать торговые караваны, наконец, постепенно устанавливаются разработанные маршруты из Казани в главные города Персии.

Главный водный путь в XVI и XVII столетиях шел от Астрахани вдоль западного побережья Каспийского моря¹⁾, с заходом в Терки и Дербент; от Низовой (между Дербентом и Баку) дорога шла уже сухопутьем на столицу Ширвана—Шемаху, откуда на Ардебиль-Зенджан-Казвин-Кашан и, наконец, Исфахан.

Путь из Московского царства «в Кизылбаши» помимо своего торгового значения для России, о котором мы будем говорить ниже, в пол. XVI века получил крайне притягательную силу для северо-европейских государств, в особенности, для Англии и Голландии. Как известно, в результате открытия Португалией морского пути вокруг Африки, торговля с Индией и Китаем в течение почти двухсот лет стала ее неотъемлемой монополией. Англия и Голландия, пережившие в эту эпоху стремительный экономический рост, естественно начали поиски «своего» пути в Индию, если не в южном, то хотя бы в «арктическом» направлении,

¹⁾ Лишь в эпоху неурядиц в прикаспийских ханствах и областях Персии (в особенности в Ширване) путь из Астрахани шел вдоль восточного, мало удобного, побережья Каспийского моря.

вдоль северного побережья Канады и Сибири. Один из тогдашних «купцов-авантюристов» знаменитый Ченслер командовал такой полярной экспедицией, в результате которой он открыл Белое море и северный путь в Московское царство. Это путешествие не только положило начало морской торговле между Россией и Англией, но и открыло перед последней совершенно новые перспективы — установления сухопутной дороги в Индию и Китай через территории России и Персии. Любопытно отметить, что поиски пути в Индию через Иранское плато уже задолго до этого интересовали московское правительство и купечество. Достаточно указать хотя бы на нашего первого путешественника в Индию тверского купца Афанасия Никитина, который за сто лет до экспедиции Ченслера ходил «за три моря», пересек с севера на юг всю Персию и посетил ряд индийских гаваней и внутренних городов. Интерес к нахождению торговых путей в Индию через территорию Персии никогда не ослабевал в Москве. Так напр. в середине XVII века астраханскому купцу Анисиму Грибову, отправленному в Туркестан с «царскими грамотами» и государственной купеческой казной «было наказано разведать какой наиболее удобный путь из Астрахани в Индию: на Юргенскую землю (Хиву), или Бухару, или на Казылбашские города». В результате, Грибову удалось составить точную роспись торгового пути от Астрахани через Мешхед до Агры, причем для некоторых участков он даже указывает продолжительность пути.

Эта общая заинтересованность англичан и русских в открытии сухопутного пути в Индию объясняет, почему пять лет спустя после путешествия Ченслера, другому «купцу-авантюристу» Дженкинсону было поручено «испробовать все пути и средства, чтобы узнать, как из России морем или сушей пройти в Китай». Попытка Дженкинсона найти этот путь через ханства Средней Азии окончилась, однако, полной неудачей, вследствие той политико-экономической разрухи или, по выражению русских источников «бесгосударья», которая там царила. Однако, все эти проекты и планы принесли косвенный результат: они положили начало сношениям англичан, а за ними и других северно-европейских народов, с Персией через Московское царство.

Особенно заманчивыми стали сношения с Персией в эпоху ее расцвета при шахе Аббасе Великом (1587—1629), когда были улучшены пути, построены новые караван-сарай, мосты и т. п. В этот период мы видим при дворе шаха английских авантюристов вроде братьев Шерли (Sherley), которые исполняют дипломатические поручения, инструктируют персидскую армию и ведут борьбу с португальцами.

После неудачных поисков трансперсидского пути в Индию и Китай, Персия теряет для Запада значение транзитной территории, но приобретает зато самостоятельный торговый интерес. Главным предметом персидского вывоза становится в ту эпоху шелк, производство которого расцвело в Гиляне и в некоторых других провинциях. Необходимо отметить, что торговля шелком играла чрезвычайно крупное значение в экономической жизни Европы. По словам ученого путешественника Олеария (пер. пол. XVII века) «торговля шелком есть, без сомнения, самая важная из всех, которые ведутся в Европе». В этом новом товарообороте между Западом и Персией, на смену старинным, но теперь заглушим продольным путям, приходят две новые дороги, пересекающие страну в вертикальном направлении. С одной из них мы уже знакомы: это дорога идущая от Каспийского моря к Исфахану и составляющая отрезок великого волжско-каспийского пути. Вторая дорога шла в обратном направлении с юга на север, от портов Персидского залива: Ормуза, Харака, Бушира—внутрь страны.

Что касается до первого, северного пути, то он безраздельно эксплуатировался Россией. Вывоз шелка составлял царскую монополию и, заметим, чрезвычайно доходную. Раз в три года «царевы гости», т. е. правительственные купцы составляли на Волге караваны и плыли в Персию. Взамен шелка они ввозили главным образом соболя и вообще всяческие меха («мягкую рухлядь»), красную медь, полотна и сукно. Прибыль извлекаемая из этой торговли, равнялась приблизительно 600.000 теперешних рублей.

Вполне понятно, что иностранцы, в особенности англичане после поездки Дженкинсона, всячески стремились добиться права свободного торга с Персией, через территорию Московского царства. Однако, бесконечные просьбы англичан, голландцев, французов, гольштинцев и датчан встречали решительный отпор со стороны московского правительства. Как указывает М. Н. Покровский «персов не пускали дальше Астрахани, а европейцам не давали шелка ближе Архангельска», выменивая взамен сукна.

В эпоху развитого коммерческого капитала, как известно, «торговля естественно ведет к войне и война покровительствует торговле». Этот процесс мы наблюдаем в первой четверти XVIII в. в русско-персидских торговых отношениях. Не ограничиваясь более монопольной эксплуатацией персо-каспийского пути, сформировавшийся русский торговый капитал стремится также к завоеванию шелковой сырьевой базы — Гиляна, чтобы получить таким путем возможность направлять в Россию весь персидский шелк. На этой почве возникает персидский поход Петра I

(1722), окончившийся, благодаря военному бессилию Персии той эпохи, завоеванием Дербента, Баку, а позже по договору с Турцией (1724)¹⁾ оккупацией Гиляна.

Персидская авантюра оказалась, однако, не по плечу полуевропейскому петербургскому государству и полуазиатскому русскому капиталу. Вдобавок самый поход сопровождался огромными потерями (около 4000 чел., 15.000 лошадей) и затратами (около 1 миллиона руб.). Неудивительно, что Гилян был очищен тотчас же после смерти Петра I, вскоре же после этого пришлось расстаться и с другими прикаспийскими приобретениями. Надир шах, возродивший на короткое время военно-политическое значение Персии, потребовал отдачи Дербента и Баку, грозя в противном случае военным союзом с Турцией. России пришлось уступить (1735): так бесславно рушилась первая попытка русского торгового империализма в Персии.

Монополию каспийской торговли с последней Россия впрочем сохранила до XIX века. В течение всего XVIII века англичане (Эльстон, Хануэй и др.) делали беспрестанные попытки пробить путь к персидскому шелку через территорию России. На один момент им удалось даже организовать факторию в Реште, но вскоре декрет петербургского правительства абсолютно запретил английскую торговлю по Каспийскому морю. Таков был реванш, взятый Россией за крушение «персидского похода».

Второй путь, по которому в XVI и XVII веках происходил товарооборот между Персией и западными государствами, как указывалось выше, шел от портов Персидского залива вглубь страны. Благодаря экономико-географическим условиям, а именно концентрации огромного большинства населения, и вследствие этого его хозяйственной деятельности, в плодородных северных провинциях, южные пути никогда не играли крупного значения в жизни Персии. Лишь в редкие периоды расцвета последней (халифат IX века, монгольская империя XIII века, Аббас Великий) они приобретали известную экономическую роль, открывая выход к морю для провинций центральной и южной Персии.

Открытие морского пути в Индию, сильно подняло торговлю Персидского залива, в котором в XVII и XVIII в. в. начали устраивать свои морские стоянки и коммерческие фактории: португальцы, голландцы, а за ними и англичане.

Главным предметом вывоза и здесь долгое время являлся шелк. Объясняется это тем, что Россия потребляла лишь часть персидского шелка, остальное количество приходилось вывозить через Алеппо, где оно подвергалось вы-

¹⁾ По этому договору, являющемуся как бы первым разделом Персии, Россия получала прикаспийские провинции, а Турция западные области Персии.

соким турецким пошлинам. Появление европейских купцов у южных границ Персии давало возможность передавать им шелк по более короткому пути и вдобавок без турецкого посредничества, что удешевляло стоимость его почти на 50%. И европейцы и шах, держащий в своих руках монополию на вывоз шелка, понятно только выигрывали от экспорта через южные порты, стоимость которого достигла крупной суммы в 600.000 теперешних рублей.

Борьба между европейскими морскими державами за Персидский залив тесно связана с ожесточенной двухсотлетней борьбой за великий торговый путь ведущий в Индию и Китай, и потому не может быть здесь рассмотрена сколько нибудь подробно. Достаточно указать, что долгое время монополия принадлежала здесь португальцам, устроившим свою базу на острове Ормузе, затем она перешла к голландцам, выхлопотавшим право беспошлинной торговли шелком, и, наконец, во второй половине XVII века она была отнята у них англичанами, сделавшими впоследствии центром своей деятельности — Бушир.

Значение южно-персидской торговли, так же как и северной, впрочем, совершенно падает уже с конца XVII и в продолжение всего последующего столетия. В это время Персия испытывает нашествие афганов, захваты на юге необычайно усилившегося пиратского государства Омана и, в результате, переживает полный политический и экономический развал. После этого Персия теряет для европейских держав свое прежнее торговое значение и начинает вновь играть свою старую роль — огромной цитадели командующей над подступами к Передней Азии, Туркестану и Индии.

2. Англо-французская борьба.

Борьбу европейских держав в XIX и XX в. в. за Персию можно разделить на три периода. В первом периоде главными соперничающими силами являлись Англия и Франция, во втором — Англия и Россия и, наконец, в третьем — Англия и Германия. Как мы видим, единственной державой, которая в течение столетия не сходила с арены борьбы, являлась Англия.

Фактом, определившим судьбу Персии в новейшее время явилось возникновение в XVIII веке британской империи в Индии. До наполеоновских войн аксиомой английской политики являлось убеждение, что на Индию можно сделать нападение лишь с моря. Индия была с моря отвоевана англичанами у португальцев и французов и поэтому они по инерции считали, что наиболее уязвимыми частями огромного полуострова являются его береговые линии.

Наполеон, обнаруживший в данном случае гениальную прозорливость, совершенно правильно опознал ахиллесову пяту Англии и в корне разрушил старую систему защиты Индии.

Основной чертой всех многочисленных планов Наполеона, направленных против Англии, было то, что они не ограничивались центральной атакой против Британских островов (уничтожение английского флота, десант), но проектировали также сокрушительный удар против Индии. Уже египетский поход был несомненно направлен не столько против Турции, сколько против Англии, которая прекрасно это учла и послала своих инструкторов в турецкие войска. Предпринимая эту эффектную авантюру, Наполеон предполагал завладеть вторым морским путем, который с незапамятных времен ведет в Индию, а именно Красным морем. Директория, организуя эту экспедицию, дала Наполеону категорическое задание: «обеспечить свободное и исключительное обладание Красным морем за Французской Республикой». Очутившись в Египте он действительно пытался осуществить этот грандиозный план, так: строились фелуки для занятия дверей Красного моря — Баб-Эль-Мандебского пролива, поддерживались оживленные сношения с опаснейшим врагом Англии в Индии — султаном Майсора, ведущим в то время против нее ожесточенную борьбу и т. п. Англичане ответили на это занятием островка Перима, лежащего у входа в Красное море (1799), и усилением морской обороны Индии.

После крушения египетского похода, Наполеон разрабатывает новые планы нападения на британскую Индию, отличительной чертой которых явилось то, что они впервые носили сухопутный характер.

Первый план был составлен в 1800 — 1801 году в тесном союзе с Россией; он предусматривал поход донских казаков через Среднюю Азию к верхнему Инду и одновременное движение французской армии (35.000 чел.) через Россию, Каспийское море, северную Персию, Афганистан — к северо-западным границам Индии на соединение с русскими. Павел I-ый, необычайно увлеченный этим индийским проектом, считал, что весь поход может быть совершен в какие-нибудь четыре месяца; он отдал даже приказ казачьим отрядам перейти Волгу и двинуться на Оренбург, но убийство его разрушило весь этот грандиозный, но фантастический план.

Англия была во всяком случае достаточно напугана последним. Она отрядила в Тегеран специальную миссию, возглавляемую Малькольмом, который и заключил договор с Персией; наиболее существенной чертой его было

Персия.

то, что Англия предоставляла Персии военное снаряжение на случай войны с Францией или Афганистаном.

После потери надежды на участие России, Наполеон создает новый план похода на Индию, основанный на военном союзе с Персией. В небольшом местечке — Финкенштейне в 1807 году был заключен прелиминарный договор с Персией, которая в это время воевала с Россией и думала найти поддержку у Франции. Наполеон гарантировал шаху обратное получение Грузии и обязывался снабдить его военным снаряжением и инструкторами. Взамен Персия должна была разорвать договор с Англией, открыть южные порты для французского флота и свою территорию для движения наполеоновской армии на Индию. После этого мы видим необычайно оживленную политическую деятельность французских агентов на всем Ближнем Востоке. Сирийские консулы, опираясь на всевозможных авантюристов, ведут агитацию среди арабских племен, проторяя дорогу для французской армии к Месопотамии; в Тегеран направляется генерал Гардан (1807/8) со штабом из 70 офицеров, получивших задание: а) разработать маршруты через Персию в Индию и б) инструктировать персидскую армию. Для придания большей помпы Наполеон предполагал даже направить своего брата Люсьена послом в Персию.

Заключение Тильзитского мира с Россией целиком разрушило второй план похода на Индию. Персы увидели здесь прямую измену со стороны Франции и потребовали отозвания миссии генерала Гардана. Не ограничившись этим, они поспешили заключить договор с Англией (1809), по которому получили британских инструкторов и ежегодную субсидию в 160.000 туманов, в течение всего времени, пока Англия воюет с Россией. Англо-персидские отношения были окончательно оформлены в 1814 году путем заключения оборонительного договора. Персия брала на себя обязательство аннулировать договоры со всеми государствами, враждебными Англии и атаковать Афганистан в случае, если он вступит в войну с ней. Взамен Англия гарантировала защиту Персии в тех случаях, когда она не являлась нападающей стороной, предоставляла ей субсидию в 200.000 туманов и инструктировала ее армию.

Легко увидеть, что «индийские проекты» Наполеона, несмотря на всю их расплывчатость и фантастичность, сыграли огромную роль в политических судьбах Персии и Афганистана. Они наглядно обнаружили перед англичанами, что угроза Индии возможна не только со стороны моря, но и со стороны суши. Проекты Наполеона заставили их вспомнить, что вплоть до XIX века все завоеватели Индии (Александр, Тимур, Надир-шах) проходили всегда через «ворота Ирана», т. е. по территории Персии, в осо-

бенности Афганистана. С этого момента англичане разрабатывают новый план защиты Индийской империи, имея в виду ее западную границу. Персия после этого бесповоротно попадает в орбиту английской политики, становясь как бы глассисом, далеко выдвинутым фортом Индии. Что касается до Афганистана, являющегося цитаделью последней, то англичане в результате столетней работы превращают его в буферное государство, отгораживающее бассейн Инда от внешнего противника¹⁾. К этому времени таковым становится уже не Франция, навсегда ушедшая с Иранского плато, а Россия.

3. Англо-русская борьба.

I период: Торговое соперничество 30—60 г.г.

Англо-русская борьба в Персии продолжалась около ста лет и являлась лишь одним из эпизодов грандиозного соперничества двух империй, ареной которого являлась вся Азия. Вполне понятно, что за этот долгий период времени бесконечно видоизменялись и мотивы, лежащие в основе борьбы, и ее политико-стратегические линии.

Экономическая сущность первого периода англо-русского соперничества (30—60 г.г.) несомненно заключалась в борьбе коммерческих интересов в Персии и в Закавказьи, тесно связанных с общей торговой политикой Англии и России той эпохи. Не надо упускать из виду, что уже в 30-х годах торговля этих двух держав с Персией достигла весьма значительных размеров, причём в персидском ввозе занимают крупное место фабрикаты текстильной индустрии.

Русский офицер, барон Корф, побывавший в Персии в 1834/35 г. г., указывает два пути, по которым русские товары шли в Персию; первый через Закавказье вел в Тавриз, второй — через Каспийское море в Гилян. Главным складочным местом являлся Тавриз, базары которого «наводнены иностранными товарами», но несмотря на это «Персия далеко не снабжается потребным для нее количеством европейских товаров».

Пионером русской торговли с Персией являлся шуйский купец Степан Посылин, который «доказал всему православному миру, что с Персией торговать можно». В 1832 году он ввез в Тавриз на 900.000 рублей ситцев, миткаля и сахара; однако общий русский баланс оставался пассивным; так в 1834 году всего было ввезено товаров в Персию из России

¹⁾ Уже в 1809 году в Кабул была отправлена миссия Эльфинстона, добивавшаяся закрытия афганской территории для французских армий.

на 2½ миллиона рублей, а вывезено приблизительно на 5 миллионов рублей.

Сильно вредила русской торговле конкуренция со стороны англичан. Последние, помимо использования старинной караванной дороги Трапезунд-Тавриз, в широких размерах прибегают к транзиту товаров через Закавказье, на которое долго не распространялся русский протекционный тариф 1827 года. Ежегодно из Трапезунда отправлялись в Персию 5½ тысяч вьюков текстильных изделий, сахара и рома на сумму в 5½ миллионов рублей.

Недаром, отметив успехи английской торговли, упомянутый барон Корф меланхолически замечает: «будем надеяться, что скоро, скоро Тавриз, Зензели (Энзели), Решт и Бальфуруш наполнятся русскими товарами и что мятые, но полновесные персидские червонцы будут кучами сыпаться в русские купеческие конторы, устроенные в торговых городах Персии. То-то житье будет!»

Трудно найти тираду более характерную для «ситцевого» империализма эпохи Николая I-го!

Пользуясь двумя торговыми путями, англичане скоро почти совершенно вытесняют русских с персидского рынка. Если в 30 г. г. английский агент в Тавризе нашел всю торговлю в русских руках, то в 1844 г. Степан Посылин принужден был ликвидировать свои операции. Русское правительство реагирует на это распространением протекционного тарифа на Закавказье и проектом захвата Трапезунда. После этих репрессивных мер уже англичане жалуются, что для них потеряно Каспийское море и они отрезаны от Центральной Азии. Так мы нащупываем экономический базис англо-русского соперничества на Ближнем Востоке и в частности в Персии, приведший позже к Крымской кампании 1853 года.

Наряду с этим коммерческим соперничеством, сильно обостряет русско-английские отношения захватническая политика Николая I в Закавказьи и в Западной Персии. В 1800 году Россия «мирным путем» присоединила Грузию, однако за обладание последней и за смежные территории Закавказья ей пришлось в течение десятилетий вести кровопролитные войны с Персией. В результате последних (по Гюлистанскому (1813) и Туркманчайскому (1826) мирным договорам) Россия приобрела восточное Закавказье (территорию нынешней Азербайджанской республики с Баку и Дербентом), а также Эриванскую и Нахичеванскую области. Кроме того, и это важно отметить, она добилась льготной ввозной пошлины, достигающей 5% со стоимости товаров (*ad valorem*) и навязала Персии капитуляции.

Русские захваты поставили Англию в чрезвычайно неловкое положение. Согласно упомянутому выше оборони-

тельному союзу, она должна была придти к ней на помощь, так как совершенно ясно было, что нападающей стороной являлась Россия. Однако Англия и не пыталась сделать этого, так как оборонительный договор преследовал цель преградить Франции доступ в Индию, антагонизм же ее по отношению к России еще не созрел до такой степени, чтобы она могла объявить ей войну из-за аннексии озера Гокчи. Чтобы выйти из этого неловкого положения, Англия прибегла к чрезвычайно простому выходу: она дала персидскому правительству взятку в 200.000 туманов (необходимых, чтобы добиться эвакуации русскими войсками Тавриза). Взамен этого она потребовала аннулирования тех пунктов договора, согласно которым она обязывалась оказывать Персии военную помощь.

Во второй четверти XIX века мы видим, как борьба держав переносится на восточную окраину Иранского плато и концентрируется у Герата. Этот город сохраняет вплоть до настоящего времени огромное значение, находясь на перекрестке мировых путей, ведущих в оазисы Средней Азии (по реке Гери Руд), в Персию (через Мешхед) и, наконец, в Индию (по кружной, но наиболее доступной, дороге через Кандагар и Кабул). Именно благодаря этому исключительному географическому положению Надир-шах заявлял, что «Хорасан это сабля Ирана, кто владеет Гератом, тот держит ее в руках и может стать владыкой мира». Неудивительно, что вокруг этих северо-восточных «крепостных ворот» Ирана в течение веков шла ожесточенная борьба народов, начиная с Александра Македонского и кончая русскими и англичанами.

Потерпев решительное поражение в борьбе с Россией, Персия ищет компенсаций на востоке, и в частности стремится овладеть Гератом, который, пользуясь анархией царящей в Афганистане, превратился в независимое княжество.

Эти притязания Персии на Герат, т. е. на важнейший узел путей, ведущих в Индию, необычайно ухудшают англо-персидские отношения. Дело в том, что после заключения Туркманчайского мирного договора, в Тагеране значительно усиливается русское влияние. Мы уже отмечали выше рост тех торговых связей, которые соединяли Россию и Персию в 30-х и 40-х г. г. Не только шуйские купцы едут через Закавказье и Каспийское море в Тавриз и Решт; персидские купцы движутся в обратном направлении и начинают регулярно посещать Нижегородскую ярмарку. Вслед за экономическим — усиливается также политическое влияние России, особенно при новом шахе Мохамеде, получившем престол в значительной степени благодаря помощи русских.

Это наметившееся сближение России с Персией было, конечно, направлено главным образом против Англии. С удивительной для своего времени широтой политического кругозора — фельдмаршал Паскевич убеждал тегеранское правительство: «не полагайтесь ни на увещания англичан, ни на уверения турок Англичане не защитят вас: их политика имеет ввиду только интересы их владений в Индии» . . .

При такой политической ситуации, стремление Персии овладеть Гератом, получает для Англии совершенно особое значение: за спиной персидских сарбазов (солдат) они уже видят русские шеренги и казачьи эскадроны, которые, захватив руками персов ворота Ирана, двинутся к заветной цели древних и новых завоевателей — к Индии. Все эти обстоятельства достаточно объясняют ожесточенную борьбу за город, находящийся на окраине Иранского плато, в которую были втянуты Англия, Россия, Персия и Афганистан.

После первой неудачной осады в 1833 году, спустя пять лет, шах Мохамед начинает вторую осаду Герата. Весь этот военный эпизод носил необычайно курьезный характер: более года, армия империи шах-ин-шахов была прикована к небольшому пограничному городку, которого она так и не взяла. Защитой Герата руководил английский офицер Эльдред Поттинджер, а во главе шахской армии стоял русский офицер — граф Симоничь. Невольно вспоминаешь сцены из Илиады, где боги, над головами патронируемых ими героев, ведут в воздухе невидимую ожесточенную борьбу!

Шахской армии так и не удалось взять Герата. Однако, англичане испуганные внезапно обнаружившейся русско-персидской угрозой Индии, решаются на чрезвычайно неосторожный шаг. Они пересматривают свою старую программу обороны Индии и решают целиком подчинить себе Афганистан, отказываясь таким образом от идеи буферного государства. Помимо угрозы Герату на это наталкивают их новые грозные явления, обнаружившиеся на среднеазиатском горизонте. В 1830 г. русские войска впервые достигают берегов Сыр-Дарьи, спустя же 8—9 лет уже готовится экспедиция Перовского для завоевания Хивы. Одновременно с этим, у афганского эмира сильно обостряются отношения с англичанами из-за пограничных индийских территорий и вот он обращается за поддержкой к России, которая немедленно посылает в Кабул экстраординарного посланника поруч. Виткевича. Вся эта совокупность грозных событий и заставляет англичан начать войну против Афганистана. Кампания 1839 г. была одной из самых неудачных, которую когда-либо вели англичане: они потеряли почти весь экспедиционный корпус, израсходовали огром-

ные суммы и принуждены были целиком эвакуировать Афганистан.

Борьба разгоревшаяся в Средней Азии между Россией и Англией нашла свою развязку в другом месте — в Крыму. Севастопольская кампания отозвалась эхом и в Персии, проявив таким образом взаимообусловленность событий, разыгрывающихся на берегах Черного моря и на Иранском плато. Влияние русской дипломатии в Тегеране сумело вызвать разрыв между Англией и Персией. Последняя вновь двинулась на Герат и на этот раз заняла его (1856). Англия немедленно объявила войну Персии, оккупировала ряд пунктов Персидского залива (Мохаммеру, Бушир и др.) направила свою флотилию вверх по Каруну до Ахваза и таким образом перерезала все южно-персидские торговые пути. Независимо от этих операций, поражение России все равно означало поражение и Персии. По Парижскому договору 1857 г. она обязалась эвакуировать территорию Афганистана (к которой был отнесен и Герат) и признала его полную независимость. Кроме того она согласилась в случае каких либо столкновений предварительно обращаться к Англии.

4. Англо-русская борьба.

II период: Экспансия в Средней Азии.

Поход Перовского из Оренбурга на Хиву и совпавшее с ним по времени вторжение англичан из Пешавера на Кабул — как бы отмечали стрелки наступления двух империй в Средней Азии. Но оба эти предприятия, по любопытной иронии судьбы окончившиеся одинаково неудачно, представляли в сущности изолированные эпизоды, продиктованные условиями данного момента. В 70-х и 80-х г. г. мы видим уже совершенно иную картину: две великие империи снимаются со своих мест и начинают наступательное движение навстречу одна другой. На громадном пространстве от Волги и до Инда в течение двадцати лет:

Колыхаясь и сверкая движутся полки.

Идут все полки могучи, грозны как поток,

Страшно медленно, как тучи

Прямо на Восток.

Каковы были причины русской экспансии в Средней Азии? Этот вопрос отличается необычайной сложностью и, вдобавок, не имеет прямого отношения к настоящей книге. Здесь достаточно указать, что основным фактором являлось стремительное развитие русской индустрии, задыхающейся в условиях мало мощного рынка и стремящейся к завоеванию новых рынков. Как известно, именно эти годы отмечены переходом к протекционизму, что не могло не

обострить отношений с величайшей в то время текстильной и металлургической державой Великобританией. Именно поэтому, борьба последней с Россией не была локализована в каком-либо одном месте, а велась почти на всем материке Азии, от Памиров до проливов. Средняя Азия являлась лишь наиболее очевидным фокусом этого соперничества, потому что ее огромные земли были в сущности «ничьими» (no man's land) и открывали огромные просторы для завоевателей.

В 70-х г. г. Россия покидает старые кордонные линии: Оренбургскую и Сибирскую и движется на завоевание среднеазиатских ханств: Кокандского, Бухарского и Хивинского. Опуская чисто военные детали, укажу лишь, что в 1865 г. она присоединяет Ташкент, в 1868 г. — Самарканд, в 1876 г. — Коканд. Хива и Бухара становятся вассальными ханствами, зависящими целиком от воли победителей; наконец, в 1881 году происходит покорение оазисов Туркмении, округляющее русские владения на западе.

Как мы видим, Российская Империя впервые тесно приближается к западным границам Персии и Афганистана. Лишь теперь возникает в реальной форме «русская опасность Индии».

Но описывая русские завоевания в Средней Азии, историки (в особенности английские) обыкновенно упускают из виду, что ей предшествовала по времени огромная английская экспансия в Индии. Действительно уже в 50—60 г. г. англичане разрушают государство сикхов и завоевывают еще самостоятельные провинции северной Индии, а также весь Синд и Пенджаб. Таким образом не только русский, но и английский колосс, почти одновременно с севера и с юга, подходят к восточным границам Иранского плато.

Любопытно, что автор новейшего труда по истории Персии—Сайкс, с которым, но уже не в качестве историка, а генерала, мы встретимся впоследствии, имеет мужество подчеркнуть одновременную экспансию двух империй. «Продвижение России было объектом горьких упреков в Англии. Но критики, многие из которых плохо осведомлены, упускают из виду, что в тот же период Великобритания аннексировала большие, плодородные и густо населенные провинции Индии. Вне Индии была аннексирована огромная, пустынная провинция, известная под именем Британского Белуджистана, а внешние сношения афганского эмира, вплоть до настоящего времени, попали под контроль правительства Индии».

Англо-русская экспансия в Средней Азии отнюдь не ограничивалась Туркестаном, Афганистаном и западной Индией; она была направлена одновременно и в сторону Персии.

В 1887 г. Россия захватила великолепный оазис Мерв, который, если не географически, то исторически всегда принадлежал Ирану, в течение столетий играя роль столицы Хорасана. Завоевав Туркмению, она оставила за собой лучшую часть бассейна Атрека, передав персидским курдам и туркменам бесплодные горные скаты. Еще более крупными были захваты англичан, которые совершались не путем военных экспедиций, а под видом благожелательного и незаинтересованного «территориального разграничения» или «исправления границ».

В конце 70-х г. г. Персия начинает прибирать к рукам округа Белуджистана, и вот Англия торопится оформить существование Британского Белуджистана, находящегося под ее протекторатом. Ее военной базой становится Кветта, контролирующая Боланское ущелье, т. е. кратчайший путь из Индии в Афганистан и в Персию. После этого на очередь ставится вопрос о «разграничении» Сеистана, т. е. плодороднейшей дельты р. Гельменда, игравшей столетия назад роль колыбели иранской государственности и культуры. Приняв на себя благородную роль посредника между Персией и Афганистаном, Англия передает первой наиболее болотистую часть Сеистана, зимой представляющую из себя трясины, а летом—засохшее болото¹⁾. Очередь доходит, наконец, до Персидского побережья Индийского океана (Мекрана), который разграничивается англичанами таким образом, что Персии достаются самые пустынные, безлюдные части.

Не надо думать, что целью всех этих разграничительных операций была исключительно погоня за территориальными аннексиями. После того как у Персии были отняты все западные области Иранского плато, открывающие легчайший доступ из северо-восточных провинций к морю, возник вполне осуществимый план оборудовать новую меридианальную дорогу, которая шла бы от Хорасана к побережью Оманского залива, через плодородный Сеистан и оазисы Белуджистана и Мекрана.

В результате английских «разграничительных» аннексий, этот план сделался неосуществимым. Хорасан, эта чрезвычайно богатая провинция Персии, был окончательно отрезан от моря, и, чтобы окончательно не омертветь, он должен был тяготеть или к Индии или к Русскому Туркестану²⁾.

¹⁾ Персидский так называемый „Внешний Сеистан“ невозможно осушить пока сюда низвергаются потоки из „Собственно Сеистана“ и переданного Англией—афганам.

²⁾ Колесная дорога проведенная из Нушки (пограничного пункта английского Белуджистана) к столице Хорасана—Мешхеду совершенно ясно указывает на желательное для англичан направление восточно-персидской торговли.

Если мы учтем все территориальные увечья, которые в течение 70-ти лет были нанесены Персии — англичанами и русскими, мы согласимся с тем остроумным «портретом Ирана» который дает В. Берар в своей книге «Персия и Персидская Революция»: Персия это «однорукий калека со сплюсненной головой (прикаспийские провинции), с туловищем нормальным, но изъеденным туберкулезом (Прак и Фарсистан) с огромным пустым желудком (Центральная пустыня), с правой здоровой рукой (Азербайджан), с изъеденным гангреной обрубок вместо левой руки (Хорасан) и с двумя обрубленными чуть ли не по колена ногами (Сеистан и Мекран».)

5. Англо-русская борьба.

III период: „Мирное проникновение“ в Персию.

В конце 80-х и в 90-х годах Россия делает последние приобретения в Средней Азии. В 1885 году генерал Комаров у самой афганской границы разбивает войска эмира и захватывает важный пункт Кушку, находящийся всего в 110 верстах от Герата. Это событие вызвало бурное негодование Англии, но впоследствии она должна была уступить и оставить захваченную территорию за Россией.

Спустя десять лет еще более крупный конфликт возник из за Памир, которые были явочным порядком захвачены русскими «путешественниками» и военными разведчиками. На этот раз уступила Россия, передавая в пользу Афганистана Малый Памир, который как узкий клин отделял ее среднеазиатские владения от Индии.

Именно к этой эпохе относятся знаменитые планы Скобелева о походе в Индию для нанесения Англии смертельного удара по самому «чувствительному для англичан операционному направлению».

Однако, все эти проекты носили уже совершенно нерелевантный характер, так как к этому времени радикально изменилось политическое положение Афганистана. Напуганная стремительно приближающейся «русской опасностью» и их интригами в Кабуле, Англия вторично отказывается от своего традиционного понимания Афганистана, как буферного государства и пытается завоевать его. Конечно, не случайно эта вторая англо-афганская война совпала с русско-турецкой войной 1877—78 г. г. Как мы видим, вновь соперничество двух империй на Востоке разрешается на берегах Золотого Рога и у подножья Памир. Война 1878—80 г. г. была почти так же неудачна для англичан, как и предшествующая ей 40 лет назад. Однако, в результате ее англичане сумели окончательно втянуть Афганистан в орбиту своей политики. Они получили контроль над внешней полити-

кой страны, отпуская ежегодную субсидию своим верным вассалам эмирам Абдур Рахману и Хабибуле и при помощи своих инженеров оборудовали ряд крепостей на русско-афганской границе, в особенности же Герат.

После этого, возможность непосредственного соприкосновения англо-русских армий—на долгое время исчезает. Полуваассальный Афганистан перестает быть для царизма возможным плацдармом при военных действиях, направленных против Индии. В связи с потерей северного туркестанского направления вновь возрастает для России значение Персии, которая открывала возможность выхода к Индийскому Океану, а также ведения против Индии центральной атаки, по тому направлению, которое, как мы видели, было намечено еще Наполеоном I-м.

Отсюда вытекает новая политика Англии и России по отношению к Персии, которая носит название их «мирного проникновения» и преследует задачу всецелого вовлечения Персии в орбиту их политико-экономических интересов. Любопытно отметить, что методы применяемые обоими государствами были совершенно однородными и сводились к экономико-финансовому закабалению страны, за которым должно было последовать ее полное политическое подчинение.

Одним из наиболее ранних и в то же время существенных методов «мирного проникновения» было телеграфное строительство. До 60-х годов в Персии совершенно не было телеграфных линий и вот англичане, заинтересованные, после мятежа сипаев (1857 г.) в прямой и прочной связи с Индией — пересекают ее территорию телеграфными проволоками. Особенно важное значение имела постройка (в 1870 г.) огромной Индо-европейской телеграфной линии, часть которой проходила по центральной Персии — до британской границы. Что касается до России, то она получила концессию на постройку северных линий, из которых главной стала: Мешхед — Асхабад.

Обе державы извлекали огромные выгоды из телеграфного строительства: Англия добилась того, что из трех проволок две принадлежали ей; Россия же выговорила себе право ежедневно на несколько часов получать телеграф в свое полное распоряжение. В условиях персидской первобытной караванной торговли обладание телеграфом отдавало всю туземную торговлю во власть Англии и России, получивших возможность извещать своих агентов о движении грузов, о состоянии рынков и т. п. Но телеграфные конторы получили и крупное политическое значение. Наряду с мечетями и иностранными посольствами, они стали излюбленным местом для «беста», т. е. для своеобразной чисто персидской формы политической борьбы, заключа-

ющейся в пассивном сопротивлении путем отсидки в неприкосновенном (в силу традиции) месте.

Вторым крупным английским предприятием было открытие Каруна, т.е. единственной реки в южной Персии годной для навигации и притом протекающей по плодородным областям Хузистана. Фирма «Братья Линч» (Lynch brothers) оборудовала навигацию по Каруну от Персидского залива до Ахваза, а затем устроила колесный тракт до Исфохани. «Линчевская дорога» стала главной торговой артерией южной Персии¹⁾; вместе с тем пересекая область могущественных бахтиарских племен, вошедших благодаря тому в орбиту влияния Англии, она приобрела и крупное политическое значение.

О широте английских планов и о росте их экономических интересов в Персии — дает возможность судить знаменитая концессия барона Рейтера (1872 г.). Эта единственная в своем роде концессия предусматривала монопольную эксплуатацию решительно всех отраслей хозяйства страны: рудников, таможен, железных и шоссейных дорог и т. д. и т. д.²⁾. Предприятие Рейтера впрочем, как и надо было ожидать, оказалось слишком грандиозным для своего времени. Россия резко протестовала против него, Англия проявила полную пассивность, в результате чего шах совершенно незаконно аннулировал концессию. Спустя почти двадцать лет (в 1889 г.) Рейтер все же получил от персидского правительства компенсацию в виде концессии на банк, который под названием «Имперского (или шах-иншахского) банка Персии» (Imperial Bank of Persia), стал цитаделью английского политико-экономического влияния в стране. Банк получил огромные привилегии, в том числе право эмиссии и эксплуатации подпочвенных богатств.

В 90-х г. г. английское «мирное проникновение», достигнув кульминационной точки, уже переживает кризис. В 1892 году специально образованное акционерное общество (так. наз. Tabacco Règie) получает монополию на вывоз и продажу табака. Однако, эта концессия вызывает резкую оппозицию со стороны всего духовенства, которое подымает сильное народное движение и заставляет шаха аннулировать ее, уплатив впрочем компании возмещение в размере 500.000 рублей. Почти одновременно с этим переживает крах другое английское предприятие основанное для экс-

¹⁾ Из других дорог южной и юго-западной Персии отметим: 1) Курдскую дорогу от Багдада — до Керманшаха; 2) Лурскую — от Дизфуля до Хамадана; 3) Кашгайскую от Бушира до Шираза; 4) Дорогу белуджей от Бендер Аббаса до Кирмана

²⁾ Концессия была дана на 70 лет, причем шах получал 15% всех прибылей.

плоатации рудных богатств Персии¹⁾). После этого в Англии мы наблюдаем вполне понятную реакцию и сильное охлаждение лондонского Сити к персидским предприятиям. Таким образом если Англия и сумела укрепить свои финансово-экономические интересы в Персии, то все же остался неосуществимым тот план, который англичане приписывали шаху Наср-эд-Дину, а именно: «возродить Персию, отождествляя интересы своей империи с интересами Англии».

Временное отступление Англии, все силы которой кстати были вскоре отвлечены войной с бурами, было полностью использовано Россией. С этого момента она начинает широкую финансово-экономическую экспансию в Персии. В противовес шах-ин-шахскому банку она создает Учетно-ссудный банк Персии, вскоре захвативший всецело в свои руки все денежное обращение и торговые операции в северных провинциях. Русский банк являлся простым филиалом министерства финансов и этим объясняется необычайный размах его деятельности.

Расстроенное до нельзя финансовое положение вскоре представляет России удобный случай для финансового закабаления страны. Тегеранское правительство и в частности вздорный и расточительный шах Музаффер-эд-Дин повсюду ищет займов. После отказа Англии Россия предоставляет первый заем в 20.500.000 рублей (в 1901 г.). Так как большая часть денег пошла на погашение прежних обязательств, а также была промотана шахом, то уже через 2 года Персией был заключен второй заем на 10 миллионов, также как и первый на чрезвычайно тяжелых условиях²⁾). Вскоре к русским займам присоединились английские, обеспеченные наиболее доходными поступлениями персидской казны³⁾).

Благодаря заключению займов, происходивших с головокружительной быстротой, Персия в течение пяти лет задолжала России и Англии около 33,5 миллионов рублей. Достаточно указать, что годовые доходы казны в то время равнялись всего 15-ти милл. руб., чтобы понять размеры этой финансовой кабалы.

1) Bank Mining Rights Corporation.

2) Условиями первого займа было: выплата всех прежних обязательств, обеспечение уплаты процентов таможенными сборами, исключая взимающихся в районе Персидского залива; заключение в будущем займов в течение 10-ти лет исключительно с согласия России; при заключении второго займа Россия получила концессию на дорогу Джульфа-Тавриз-Тегеран.

3) В 1904 г.—английский заем в 190.000 фунтов стерлингов; в 1905— в 100.000 ф. ст. Обеспечением являлись доходы с Лианозовских рыбных промыслов, в случае нехватки—доходы с телеграфных линий и алее с таможен Персидского залива.

Дальнейшая экспансия России разворачивалась буквально во всех направлениях. Богатейшие рыбные промыслы на Каспийском море были получены русским промышленником Лианозовым; плавание на этом море стало монополией пароходного Об-ва «Кавказ и Меркурий»¹⁾. Даже в Персидский залив совершали правильные рейсы пароходы «Русского Об-ва Пароходства и Торговли», причем в Басре было учреждено русское консульство, а в Бушире стоял казачий отряд и крейсер.

Наиболее крупная победа была одержана Россией в сфере торговли, причем в значительной степени за счет Англии. В 1883 году общая торговля последней с Персией равнялась 75 милл. франков; спустя 10 лет она понизилась до 50 миллионов, в то время как Россия довела стоимость своего товарооборота до 125 миллионов франков. Рекордным годом для русской торговли явился 1913/14 г. г., когда ее ввоз в Персию равнялся 62,2% всего ввоза, а Англии всего 12,5%¹⁾.

Чем же объясняются эти блестящие успехи русской торговли с Персией? Огромное значение имело здесь закрытие для иностранного транзита территории Кавказа, благодаря чему английские товары в Северную Персию, должны были идти по длинной и плохо оборудованной караванной дороге от Трапезунда до Тавриза. Большое значение имело также правительственное поощрение русско-персидской торговли, помощь со стороны Учетно-Ссудного банка и т. п. Наиболее крупная победа над Англией была одержана Россией в сфере торговых пошлин. Как выше отмечалось, по Туркманчайскому мирному договору, ставшему прообразом для всех торговых трактатов, заключаемых европейскими державами с Персией, пошлины с ввозимых товаров равнялись 5% их стоимости. Пользуясь затруднениями англичан в Африке, Россия вступила в секретные переговоры с бельгийцами, которые незадолго до этого в 1898 г. были приглашены наладить работу персидских таможен, относительно общего пересмотра тарифов. В результате этих закулисных сделок в 1903 г. был опубликован новый спецификационный тариф, произведший в Англии буквально ошеломляющее впечатление. В самом деле, в то время как пошлины на все главные объекты русского ввоза были значительно понижены (например на сахар и нефть от 1½ до 2¼%), продукты английского экспорта подвергались

¹⁾ Первый пароход появился в 1856 г.; в 1908/9 г. г. плавало уже 265 пароходов.

²⁾ Главными продуктами русского ввоза всегда являлись: керосин, сахар, железо и т. п.; даже в ввозе мануфактуры России принадлежало 40, 50% и она заняла второе место после Англии (55, 30%); главными английскими товарами являются: чай, опиум, индиго.

огромному обложению (напр. чай от 25% до 100% стоимости). Эта русско-бельгийская операция нанесла удар английской торговле, которая начала падать и ожила лишь после мировой войны¹⁾.

Попутно с ростом экономического проникновения России, увеличилось и ее политическое влияние в Персии. Главным орудием последней сделалась так наз. персидская казачья бригада, организованная русскими офицерами и находящаяся под их же командованием. Необычайно колоритной фигурой был первый командир бригады генерал Косаговский (в 1894 г.); — это был типичный авантюрист, мечтавший, по примеру Скобелева, о походе на Индию и игравший руководящую роль во всех важнейших событиях внутренней жизни Персии. В дальнейшем мы познакомимся с реакционной ролью казачьей бригады во время революционного движения в Персии, начавшегося в 1906 году.

Благодаря интенсивности и разносторонности русского «мирного проникновения», вся северная Персия скоро превратилась в сферу политико-экономического влияния России: Гилян, Азербайджан и Хорасан, эти богатейшие провинции Персии, экономически начали тяготеть к Закавказью и Туркестану, куда они вывозили продукты своего хозяйства, получая взамен русские товары.

6. Русские железнодорожные планы. Немецкое проникновение

Венцом русской экспансии в Персии были планы широкого железнодорожного строительства, сводящиеся к постройке трансперсидской магистрали, которая пересекла бы страну в диагональном направлении и соединила бы Закавказье с Индийским Океаном. Планы железнодорожного строительства в Персии имеют почтенную давность, но кроме огромного количества всевозможных проектов, они реализовались лишь в виде крохотной узкоколейки, соединившей Тегеран со священным местом — Шах-Абдул-Азим. Сооружению железных дорог препятствовало русско-английское соперничество; которое вылилось здесь в курьезную форму, юридически оформленное парализование всякой инициативы извне. Персии была навязана специальная запретительная конвенция (1885 г.), согласно которой она не имела права строить жел.-дорог, а также выдавать концесий на них, в течение сначала пятнадцати, а потом даже двадцати пяти лет.

¹⁾ После опубликования спецификационного тарифа, Англия поспешила заключить само стоятельное торговое соглашение с Персией чтобы не зависеть более от русских комбинаций.

Эта игра запретов однако не могла вечно продолжаться. В 1900-х годах, в связи с мощным развитием русской металлургии, привлекает огромное внимание проект постройки трансперсидской железной дороги. Теперь уже не ограничиваются чисто теоретическими спорами о направлении магистрали или о месте выхода ее к морю (в Бендер-Аббасе или в Чахбаре), а предпринимаются уже реальные шаги для реализации этого огромного предприятия.

В торгово-промышленных кругах идея этой дороги вызывает ожесточенную борьбу: как указывает М. Павлович, она сводится к резкому противоречию интересов металлургических и текстильных кругов в Персии. Наши хлопчатобумажные фабриканты боялись, что новая магистраль открывает дорогу в Персию для немецкой мануфактуры и вообще торговли. Однако именно это соображение побуждало выступать в защиту трансперсидской магистрали германофильствующие правительственные и общественные круги. Недаром их лейб-орган «Новое Время» совершенно открыто заявлял, что если персидская железная дорога и усилит германскую торговлю, то это автоматически укрепит русско-германские отношения.

Как раз накануне мировой войны этот грандиозный проект вышел из стадии личинки и начал превращаться в куколку, покрываясь коконом соответствующих акций. В середине 1912 г. русские металлургические группы создают Акционерное Общество Трансперсидской Железной Дороги (*Société d'études du Chemin de fer a Travers de la Perse*), в которое входят не только все крупнейшие русские банки, но также и наиболее влиятельные французские (*Banque de Paris, Société Cenerale* и др.). Как мы видим, впервые за 40 лет этот проект перестает быть дразнящей химерой и переходит в стадию практического осуществления. Трансперсидская дорога, открывающая для России путь к Персидскому заливу и далее к Индии, — конечно, сильнейшим образом угрожала интересам Англии и не могла не вызвать там соответствующей реакции.

Вернувшись после окончания южно-африканской войны в Персию и вообще на Ближний и Средний Восток, Англия начинает отвоевывать потерянные ею позиции. Центром своей политико-экономической деятельности она делает Персидский залив и Восточную Персию, где и раньше ее влияние было преобладающим. Наиболее ярким проводником этой политики становится старый враг России — Керзон, назначенный в 1903 году вице-королем Индии. Как обычно в своей политической деятельности, он рассматривает вопрос о Персии главным образом с точки зрения обороны Индии. Недаром его любимой поговоркой является:

«благополучие Индии — высший закон» (*salus Indiae — suprema lex*), а потому «Индию надо охранять не только от опасности, но и от опасения последней».

По отношению к Южной Персии и Месопотамии его излюбленным планом являлось установление британского протектората и таким путем превращение «Ефрата — в границу Индии». Осуществляя этот план, Керзон совершает помпезное плавание с восточно-индийской эскадрой вдоль берегов Персидского залива, ведя попутно, конечно, переговоры с местными арабскими шейхами; после этой поездки учреждается ряд новых британских консульств, посылаются торговые миссии и т. п. Благодаря всем этим мерам, Англия сосредоточивает в своих руках от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ торговли южных портов.

В начале XX в. возникает новый мощный стимул, привлекающий Англию к южной Персии. В Хузистане обнаруживают богатейшие источники нефти, концессию на разработку которых получает австралиец д'Арси (в 1901 г. сроком на 60 лет). В 1909 г. возникает англо-персидская нефтяная компания, которая является сейчас, как известно, одним из мировых нефтяных гигантов. Британское адмиралтейство, накануне мировой войны переводящее военный флот на нефтяную топку, проявляет огромный интерес к южно-персидской нефти. По его настоянию (*Anglo Persian Oil Co*) получает полуказенный характер и принимает в совет директоров двух агентов правительства. С этого момента Англию привлекают к Персидскому заливу и Южной Персии не только интересы торговли или обороны Индии, но в огромной степени и военно-стратегические мотивы, требующие беспрепятственного снабжения нефтью ее южных эскадр.

Тем не менее, несмотря на всю энергию, проявляемую в начале XX века Англией на территории Персии, она чувствует себя уже бессильной поколебать доминирующее положение России. Несмотря на все фанфаронады Керзона ей приходится переходить от бывшего непримиримого соперничества, — к обороне, от нападения к тактике соглашений и компромиссов. С особой ясностью эта изменившаяся позиция Англии проявляется в наиболее больном для нее вопросе — о сооружении русской, трансперсидской железной дороги. «С точки зрения правительства, заявляет в парламенте Эд. Грей, было бы неразумно противодействовать сооружению железной дороги, которая все равно будет построена рано или поздно»; наоборот, «чтобы спасти свои интересы, Англия должна принять участие в ней».

Совершенно иные «не керзоновские» ноты звучат и в словах нового вице-короля Индии лорда Морлея: «Главный штаб индийской армии находит проект (ж. д.) крайне опасным, но считает все же необходимым принять участие

в его осуществлении, чтобы ослабить его вредные последствия».

Чтобы парализовать насколько возможно опасность от русской колеи, англичане (Линч) представляют персидскому правительству свои проекты железнодорожных линий, которые направляются от портов побережья по вертикалям внутрь страны или же тянутся по самому побережью (Мохаммера-Буруджирд); Бендер-Аббас-Кирман; Бендер-Аббас-Шираз; Бендер-Аббас-Мохаммера). Цель, преследуемая сооружением этих линий совершенно понятна: они должны стать южным британским отрезком русской магистрали и таким образом не допустить ее до моря.

Помимо этих проектов, оставшихся лишь на бумаге, англичане принимают предупредительные меры на границе Индии, где в будущем должен произойти стык русской магистрали с индийскими железными дорогами. С этой целью они строят железную дорогу от уже упоминавшейся британской базы в Белуджистане Кветты на запад до Нушки и далее до персидской границы. Во время мировой войны они даже пересекли последнюю и достигли персидского пункта Дуздаб.

Что вынуждало Англию к уступчивости по отношению к требованиям России, помимо, конечно, тех неоспоримых успехов последней в Персии, которые были указаны выше? Несомненно появление на Ближнем и Среднем Востоке нового мощного противника, угрожавшего Индии и с моря и с суши, а именно — Германии.

Немецкое проникновение в Азию, как известно, создало в течение двадцати лет предшествующих мировой войне — полный перелом в восточном вопросе. Милитаристическая Германия строящая Багдадскую железную дорогу, колонизирующая Палестину, участвующая в турецких займах, наконец, реорганизуя османскую армию — явилась для Англии и России еще более грозным противником, нежели был сто лет тому назад Наполеон. Если России были загорожены пути к проливам и к Турецкой Армении, то Багдадская железная дорога, это смелое создание германского империализма, обходила все заблокированные англичанами дороги в Индию и открывала туда новый путь через Месопотамию и Персидский залив. Угроза эта становилась весьма реальной, так как накануне мировой войны германский военный флот был вторым по величине после английского и обнаруживал тенденцию к дальнейшему увеличению.

Совершенно естественно, что немецкое проникновение в Турцию должно было сопровождаться таким же проникновением и в Персию, благодаря ее отмеченному географо-политическому положению в системе среднеазиатских стран.

Центром немецкой активности, одновременно политической и экономической, становится Персидский залив, представлявший для Германии особый интерес в связи с постройкой багдадской магистрали. Северное и западное побережье залива, как известно, почти совершенно не имеют удобных гаваней, которые могли бы стать конечным пунктом для железнодорожной колеи. Единственный хороший порт — Кувейт (столица небольшого арабского султаната), но Англия, прекрасно учитывая его значение, уже в 1899 г. сумела навязать ему свой протекторат. В течение нескольких лет германский империализм бьется в судорожных попытках найти выход к морю для Багдадской дороги. От попыток уговорить султана Кувейта — хитроумного Мобарека, он переходит к проектам свержения его при помощи соседних арабских племен и турок. Все эти попытки вызывают вполне реальную угрозу военного вмешательства «хозяйки Персидского залива» — Англии и поэтому терпят крах. Единственно чего удастся достигнуть Германии, это помочь Турции оккупировать территорию на север от Кувейта (за островом Бубианом), несмотря на протесты Англии.

Как и в Турции, рука об руку с установлением политического влияния, идет и ее экономическое внедрение в Персию. В районе Персидского залива руководящая роль принадлежит фирме Вонкхаус, развивающей всестороннюю торговую экспансию. Обосновавшись на Бахрейна она пытается получить от султана монополию на ловлю жемчуга, аренду на некоторые острова залива, концессию в долине Каруна и т.д. Несмотря на ожесточенное противодействие Англии, разрушающей наиболее опасные проекты фирмы, она приобретает влияние в зоне залива, причем ее наиболее доходным промыслом является контрабандная торговля оружием. С 1906 г. Гамбургско-Американская Пароходная Компания начинает совершать регулярные рейсы в Персидский залив, успешно конкурируя с англо-индийской торговлей. За последние довоенные годы последняя начинает заметно сокращаться (в особенности в Басре) в пользу немцев.

Немецкое проникновение в Персию отнюдь не ограничивалось зоной Персидского залива. Когда Россия принуждена была разрешить (в 1903 г.) пересылку через ее территорию почтовых посылок по 5 килограммов, то воспользовались этим главным образом немцы. Если в 1909 году им принадлежала одна четверть всех посылок, то спустя два года это количество возросло до одной трети. Таким образом удавалось до некоторой степени обойти запрещение иностранного транзита в Персию по территории Закавказья. Наконец, почти во всех крупных городах Персии утвер-

дились немецкие фирмы (в Тегеране-Байер, в Реште-Вурст и т.д.), а в Тегеране торжественно был открыт немецкий колледж.

Наиболее крупным успехом достигнутым Германией в Персии было, несомненно, заключение с Россией Потсдамского соглашения, опубликованного в 1911 году. Согласно последнего, Россия получила преимущественное право на постройку железных дорог в северной Персии, не на очень тяжелых для нее условиях: 1) она обязывалась не препятствовать более сооружению Багдадской дороги, 2) устроить в дальнейшем смычку ее с персидской сетью у Ханикина¹⁾, 3) не вводить на своей колее никаких ограничительных мер (вроде транзитных пошлин, дифференциального тарифа) препятствующих международным торговым сношениям.

Совершенно ясно, что Потсдамское соглашение было крайне не выгодным для России: оно означало конец транзитной блокады Закавказья и распахивало ворота для немецкого проникновения в Персию. Чем же руководствовалась Россия заключая его? Чтобы понять это, мы должны вспомнить, что в 1910 году истек срок запретительной конвенции, которая баррикадировала Персию для железнодорожного строительства. О возобновлении железнодорожных запретов не могло быть и речи, так как русские металлургические круги, как мы видели, были необычайно увлечены проектами постройки трансперсидской магистрали. С другой стороны, при том огромном влиянии, которое приобрела Германия в международной жизни, в особенности на востоке, Россия ясно сознавала, что без ее согласия она никогда не получит концессию на персидские железные дороги. Что касается до навязанной ей смычки Багдадской ж. д. с персидскими, то и тут было ясно, что если этого не сделает Россия, то в будущем это будет выполнено самой Германией.

Именно, исходя из этих соображений, Россия подписала невыгодное для нее Потсдамское соглашение, несмотря на то глубокое недовольство, которое этот акт произвел в Англии и Франции, обвинявших Россию в германофильстве и чуть ли не в измене Антанте.

Интенсивное проникновение Германии в Персию также как и в Турцию не могло не вызвать перегруппировки держав. Если Англия, возвратясь после южно-африканской войны на Восток, нашла часть своих позиций в руках Рос-

¹⁾ Время сооружения соединительной ветки определялось Германией; если Россия отказывалась от постройки ее, то первая получала право помогать концессии.

сии, то и последняя возвратившись после краха дальневосточной авантюры на Ближний и Средний Восток — обнаружила там нового необычайно усилившегося противника в лице Германии. При наличии общего врага старое русско-английское соперничество на Востоке объективно не могло продолжаться и должно было смениться соглашением, хотя бы и временного характера. После Алжезирасской конференции обе державы делают шаги навстречу одна другой (Ревельское свидание) и, наконец, в 1907 году заключают конвенцию о разграничении сфер влияния на Среднем Востоке: в Персии, Афганистане и в Тибете.

По отношению к Персии эта конвенция заключала следующие параграфы. Обе державы, конечно, согласились гарантировать «независимость Персии и ее пацифистское развитие». Однако, учитывая особые интересы географические и экономические, они поделили ее на сферы влияния. Русская сфера¹⁾ включала все северные провинции, английская зона²⁾ захватывала юго-восточный угол Персии примыкающий к Афганистану и Белуджистану. Обе державы брали взаимные обязательства не домогаться в чужих сферах концессий политического или экономического характера (на жел. дор. телеграф, банки и пр.). Намеченные две сферы отделялись нейтральной полосой, концессии в пределах которой могли получаться по взаимному соглашению.

Эта историческая конвенция³⁾, как легко увидеть, представляла из себя подготовительный этап к полному разделу Персии между Англией и Россией, который явился логическим следствием указанных выше финансово-экономических захватов, практиковавшихся обеими державами в течение почти полувека.

Если брать в расчет естественные богатства обеих сфер влияния, то английская зона окажется далеко не равноценной русской. В то время как последняя заключала наиболее населенные и экономически развитые северные провинции, Англия получила полупустынный безводный угол Иранского плато, не имеющий почти никакого экономического значения.

Бескорыстность проявленную Англией впрочем легко понять. Прежде всего по той же конвенции 1907 г. она себя великолепно компенсировала в других областях, а

¹⁾ К северу от линии Каср-и-Ширин, Иезд, Ках, русско-афганская граница.

²⁾ На восток от линии: Газин—Бирджан—Кирман—Бендер Аббас.

³⁾ Дальнейшие параграфы конвенции фиксировали передачу таможенных доходов для уплаты процентов по займам. Если бы Россия или Англия нашли необходимым учинить контроль над источниками доходов, то они обязывались войти в дружеский обмен мыслей.

именно в Афганистане и в Тибете, отданных на ее «поток и разорение». Затем, определяя свою сферу влияния, она преследовала не экономические, а почти исключительно стратегические соображения. Русская трансперсидская колея, вдобавок соединяющаяся по Потсдамскому соглашению с немецкой багдадской магистралью, была слишком реальной угрозой и потребовала добавочного территориального заслона на западной границе Индии. Железный человек английского империализма—Китчнер открыто высказывал, что Россию и Германию можно свободно допустить до Персидского залива, так как они всегда будут находиться там под угрозой британского флота. Гораздо большая опасность грозит Индии с суши, вследствие чего и надо забаррикадировать насколько возможно Белуджистан и Сеистан. Правда, среди английских политиков не было единодушия в этом вопросе. Влиятельные англо-индийские круги высказывались за английский контроль над головным участком Персидского залива, включая долину Каруна. Однако их вынудила к уступчивости агрессивная позиция, занятая Россией. Наиболее непримиримые империалистические круги последней были вообще против фикции раздела Персии на сферы влияния и высказывались за немедленную оккупацию ее и превращение во вторую Бухару. Это и заставило англичан поспешить заключить конвенцию 1907 г., несмотря на то, что она в слабой степени удовлетворяла их притязания в Персии.

Итак, в начале XX в. Иранская цитадель, в течение столетия горячо оспариваемая французами, англичанами, русскими и немцами, если и не была окончательно взята, то все же была осаждена со всех сторон врагами и потеряла всякую обороноспособность. Лишь мировая война и Октябрьская революция разрушили кольцо блокады и спасли крепость от безусловной сдачи на милость противников.

II. Конституционное и революционное движение в Персии.

1. Социальная структура современной Персии.

Было бы чрезвычайно поучительно сравнить, для понимания современного Востока, конституционное и национально-освободительное движение в Персии и в Турции. В последней, в силу ряда социально-экономических причин, мы не находим класса помещиков, также как и турецкой национальной буржуазии. Вплоть до последнего времени прогрессивной движущей силой здесь являлась интеллигенция, представлявшая собой потенциальную буржуазию. Благодаря этому обстоятельству политическая борьба в Турции всегда носила не классовый, а внутриклассовый характер, ограничиваясь рамками служилого сословия, которое боролась за власть, как за базу для своего экономического возвышения и господства.

В Персии мы находим совершенно иную картину. С конца XIX-го века здесь происходит ожесточенная борьба двух основных сил: на левом фланге мы видим торговую буржуазию, к которой примыкают ремесленники и интеллигенция; на правом фланге — помещичье-дворянское сословие, охотно блокирующееся с придворными бюрократическими кругами.

Третья сила, с которой приходилось бороться прогрессивным кругам Турции и Персии, была одна и та же, а именно: западный империализм. Если в Османской Империи он использовал исторически сложившиеся национальные антогонизмы, то в Персии он опирался на отсталые полукочевные племена и на исконный сепаратизм провинций.

Социальная структура современной Персии начала складываться в 80-х г. г. прошлого столетия. До этого Персия была страной натурального хозяйства, ведущей незначительную торговлю почти исключительно импортного характера. В социальной области господствовали чисто феодальные отношения. Властители племен и провинций — ханы, представляли из себя помещичью земельную аристократию, сохранявшую военный характер. Они концентрировали в своих руках административно-судебные функции, и, не ведя собственного хозяйства, получали с подданных треть урожая, идущего на потребности ханской семьи и многочисленного двора.

Начиная с 70-х г. г. прошлого столетия, вся эта старая социально-экономическая система идет на слом. Переворот, происшедший в жизни Персии, вызван был «мирным проникновением» России и Англии, затронувшим, как мы видели, все стороны народного хозяйства и вызвавшим необычайное оживление в области торговли. По только что отстроенным железнодорожным магистралям Закавказской и Закаспийской устремился в Персию поток дешевых европейских товаров, разрушивших туземное ремесло и необычайно расширивших внутренний потребительский рынок. Если мы возьмем цифры персидского товарооборота за сто лет, то мы увидим, что за последние полвека он удесятерился, в то время как до этого он в течение 20—25 лет оставался на том же уровне. Наплыв европейских фабрикатов естественно вызвал нужду в деньгах. Благодаря этому мы видим бурно протекающий переход Персии от натурального к товарно-денежному хозяйству.

В такой типично аграрной стране, как Персия, этот процесс означал переход к капиталистическому сельскому хозяйству. Торговля с Западом, в течение столетия ограничивавшаяся исключительно ввозом продуктов западной индустрии (некоторые сорта мануфактуры, сахар, чай)—теперь приобретает ярко выраженный экспортный характер. Теперь Персия начинает вывозить продукты своего сельского хозяйства: хлопок, рис, сухие фрукты, шерсть и т. п. Сбыт продуктов земледелия естественно вызвал повышение ценности земель и разложил архаическое феодальное хозяйство ханов, рассчитанное исключительно на внутреннее потребление.

Все имущие классы: купцы, ростовщики (сарафы), духовные сановники, придворная бюрократия жадно бросаются на приобретение земель. В Персии нарождается класс помещиков — «мюлькдаров», идущих на смену феодалам—ханам.

Способы мобилизации земельной собственности носили самый разнообразный характер. Обычно земли покупались у разорившихся ханов и беков, еще недавно стоявших во главе полукочевых племен. Еще чаще происходила самая беззастенчивая экспроприация крестьянских участков (хрдамалик) или общинных земель (халисса), напоминающая английское «огораживание» эпохи великого промышленного переворота в конце XVIII века. Нечего, конечно, и говорить, что сгон крестьян с их участков сопровождался тяжбами, спорами и т. п. Иногда впрочем сами же крестьяне прибегали к закладничеству у крупных помещиков, чтобы избежать поборов податных чиновников. Крупный помещик не стеснялся с последними и просто закрывал им доступ в свои владения. Крупная помещичья собствен-

ность создавалась также в результате стихийного расхищения церковно-благотворительных земель так наз. вакуфов. Необходимо указать, что несмотря на частичную секуляризацию этих земель в XVII в. Надир шахом, они все же составляли весьма значительный фонд. Теперь он разложился и подвергся экспроприации со стороны влиятельных помещиков и крупных духовных сановников. Один напр. вакуф, основанный 200 лет назад и равный по площади Саксонии, был целиком захвачен частными лицами; из 380 сел, входящих в состав его, лишь 12—15 деревень остались в духовном владении.

В результате всех этих разнообразных процессов около $\frac{1}{2}$ обрабатываемых земель Персии очутилось в руках помещиков-мюлькдаров. Некоторые из них являлись настоящими магнатами; так напр. «царь помещиков» принц Зиль-эс Салтане владел 2000 деревнями.

Мобилизация земельной собственности, конечно, сильно подняла цену на рабочие руки, в особенности в такой редко населенной стране, как Персия. Стремясь приобрести как можно больше батраков, помещики ведут ожесточенную борьбу против «риша», т. е. самостоятельного крестьянского владения, включающего избу, огород, лес и т. п. Борьба эта, понятно, была неравной, так как в распоряжении помещиков были все орудия принуждения в виде вотчинного суда, налогового аппарата и т. д. В результате мы видим не только обезземеление крестьян, но сплошь и рядом даже переход их на крепостное положение. Если в устах феодала, хана «мои райят» — означало «мои поданные», то в устах помещика мюлькдара это начинает означать «мои крепостные». Интересно отметить, что несмотря на продолжающееся уже двадцать лет конституционное движение, процесс закрепощения крестьян происходит вплоть до настоящего времени. Всего каких нибудь 3 года назад губернатор Гиляна запретил крестьянам по окончании полевых работ переходить к другому помещику. Это любопытное мероприятие напоминает отмену Юрьева дня, происшедшую в России более трехсот лет назад.

В свете приведенных, по необходимости кратких, указаний мы видим на сколько ошибочно говорить о персидском феодализме, конечно, если дело не касается отсталых кочевых племен, где мы встречаем, собственно говоря, не феодальный, а родо-племенный строй. Несомненно, что помещики, подобно феодалам, образуют землевладельческий класс. Однако существенное различие заключается в том, что они уже втянуты в денежно-товарное обращение, и тысячами нитей связаны с рынком, тогда как хозяйство хана носит исключительно потребительский характер. Приведу один чрезвычайно яркий пример. До «промышленного пе-

реворота» в Персии один хальвар (33 пуда) пшеницы стоил в Тавризе — 4 рубля. Но вот начинается скупка земель, образование помещичьего хозяйства, в результате чего происходит стремительный подъем цен. Помещики скупают крестьянский хлеб, прячут его в амбарах и вызывают искусственный голод. В результате цена на один хальвар повышается с 4 рублей до 50—70 рублей.

Уяснить, что в Персии нет никакого «феодализма», кроме пережитков его, (несмотря на все работы наших авторов, посвященных этой стране) имеет не только теоретическое значение. Не забудем, что в то время, как в условиях настоящего времени, феодализм является архаическим, отсталым институтом, помещичий класс представляет из себя исторически возникающую промежуточную ступень от того же самого феодализма — к буржуазии. Как справедливо указывает Н. Рожков, в России помещичье-дворянский класс образовался в результате хозяйственного перелома XVI столетия, окончательно оформился при Петре I и Екатерине II и лишь в половине XIX века был сменен буржуазией. Не надо упускать также из виду, что этот класс тесно связан с одной стороны с торговой буржуазией, с другой — с служилой интеллигенцией, благодаря чему он может прекрасно маневрировать. Немецкие за-эльбские аграрии напр. вполне уживались с торгово-промышленными кругами вплоть до мировой войны, имея в рядах германского правительства преобладающее количество своих представителей. Чтобы не говорили наши авторы, реальное могущество помещичье-дворянского класса в Персии — вовсе не базируется на одной лишь поддержке англичан, а имеет свои корни в экономической действительности страны, где буржуазия еще чрезвычайно слаба, а центральное правительство настолько бессильно (вплоть до последнего времени), что помещики-мюлькдары совершенно избегают платежа налогов (малиата).

Вторым влиятельным классом персидского населения является купечество. Также как в Турции и в нашей Средней Азии, благодаря мелочному, базарному типу торговли, оно является чрезвычайно многочисленным и пропорционально этому экономически слабым. В Персии купцы сохранили старинную корпоративную организацию, управляются выборными старшинами (малек эд туджар или кетхода) и не уплачивают в казну никаких налогов, помимо расходов на содержание базара. Характерно, что Тегеран до революции 1906 г. давал казне лишь 20—25000 туманов налогов. Мирное проникновение России во многих отношениях очень не выгодно отразилось на положении персидского купечества. Она не только ввозила в Персию свои товары, но экспортировала туда своих посредников, главным

образом армян Закавказья, которые благодаря связям с русскими фирмами, банками и представителями власти создавали сильную конкуренцию местным купцам. Действительно, в то время, как последние должны были платить ро-

Наказание персидского преступника.

стовщикам (сарафам) за ссуды по 20—25%, русские агенты платили Учетному Банку лишь 6—7%, легко получая под товары до 50% стоимости их. Благодаря этому они легко отбили от наиболее влиятельного тавризского купчества хорасанский и трапезундский рынок.

Персидские купцы вознаграждали себя за потери работой по экспорту, конечно, нещадно спекулируя за счет крестьянства, а также участием в откупах. Тем не менее им было не под силу конкурировать с европейскими купцами, так как на них падала вся тяжесть внутренних таможенных и дорожных сборов, от которых были освобождены европейские коммерсанты. Развить же промышленность в условиях административного произвола, отсутствия капиталов и общей отсталости страны, они были лишены возможности.

Все эти обстоятельства вполне объясняют оппозиционное настроение среди персидского купчества, направленное одновременно против своего реакционно-дворянского правительства и против России, парализующей своим проникновением развитие их экономической мощи.

Гораздо менее влиятельный класс составляют ремесленники. Они группируются по цехам, сохраняющим старин-

ное устройство. В больших городах (Тегеран, Исфахан и др.) насчитывают 20—40 цехов. Последние обыкновенно входят в ремесленные союзы (энджумен-э-эснаф) имеющие своей задачей: улучшение производства, защиту своих членов и т. п. В некоторых городах, благодаря низкому экономическому уровню, ремесло сращивается с мелочной торговлей и тогда базар находится в руках цехов; наоборот, в Тегеране весь базар зависит от крупных оптовиков.

Персидское ремесло находится сейчас в стадии упадка и распада организационных форм; происходит это благодаря конкуренции со стороны западной промышленности, совершенно непосильной для технически отсталых, мелких кустарей. Положение их еще более ухудшается от притеснений со стороны своих же оптовиков и хищнической администрации.

Как и надо было ожидать, благодаря своему выморочному положению, именно ремесленники были всегда наиболее революционным материалом. Так как в их руках обычно находились базары, то естественно, что последние становились главной ареной политической борьбы. Именно ремесленники в виде протеста закрывали базары, снаряжали отряды борцов за свободу (муджехиды) и вообще принимали всегда самое активное участие в конституционной борьбе.

Что касается рабочего движения, то благодаря отсутствию в Персии сколько нибудь значительной промышленности, вплоть до последнего времени оно было очень слабо. Рабочие союзы начали организовываться лишь после 1908/9 года, причем правительство отказывалось их признавать. В конституционной борьбе они принимали участие совместно с ремесленниками, от которых в социальном отношении мало чем отличаются.

Последним классом персидского населения, которого здесь надо вкратце коснуться, является духовенство. Последнее делится на две большие группы: на крупное духовенство, связанное с мечетями, вакуфами, святынями и т. п. и на огромную массу рядового духовенства, ведущего нищенское, часто бродяжническое существование. Первая группа (так наз. лжемуштехиды) получает в свою пользу десятину с чистого дохода населения, четвертую часть с наследств, а также доходы с сиротских имуществ, благодаря чему в ее руках скапливаются крупные капиталы. Именно благодаря этому, в эпоху мобилизации земельной собственности, представители крупного духовенства успешно конкурировали с купцами и ростовщиками и часто становились влиятельными помещиками. Особенно способствовало их обогащению расхищение богатых вакуфных имуществ, о котором упоминалось выше.

Что касается мелкого духовенства, то оно вело полу-пролетарский образ жизни и обслуживая суды, школы, нотариат и т. п., играло в Персии роль низшей интеллигенции. В начале XX века их положение также сильно пошатнулось. Прежде всего правительство в поисках денег отстранило их от управления доходными гробницами и прочими святилищами, которые начали обслуживаться шахскими чиновниками. Еще более подрывали положение духовенства те реформы, которые под давлением держав, правительство пыталось проводить в суде, стремясь сделать его светским. Все это содействовало оппозиционному настроению среди духовенства, которое, сочетая в крайне расплывчатой форме чисто либеральные тенденции с определенно реакционными интересами, приняло деятельное участие в персидском оппозиционном движении. Участие духовенства придало ему чрезвычайно курьезный отпечаток: имеется, напр. ряд манифестов, которые подписаны «партией защитников Ислама, социал-демократией Персии».

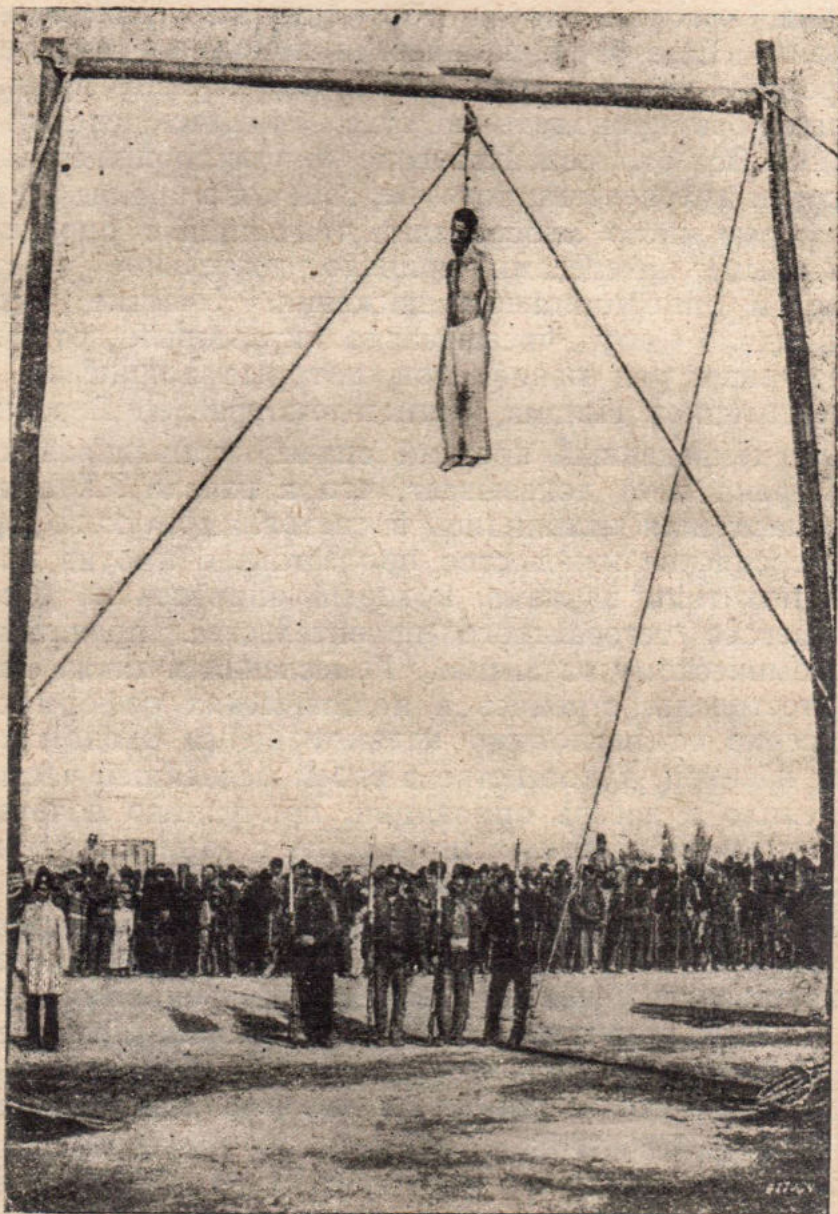
Вышеприведенный краткий анализ социальной структуры Персии ясно доказывает, что в начале XX века все классы населения находились в состоянии глухого брожения. Персидское купечество протестовало против колониальной политики царизма, который опираясь на бессилие продавшегося тегеранского правительства, препятствовал ее экономическому развитию. Ремесленники также стихийно протестовали, стремясь в политических реформах найти спасение от неуловимо надвигающейся экономической гибели; наконец, духовенство в своей беднейшей части также вступило в лагерь оппозиции, причудливо сочетая интеллигентски-либеральную идеологию с защитой своих архаических, религиозно-экономических интересов.

Основной слабостью персидского оппозиционного движения было то, что в нем не принимало никакого участия крестьянство, находящееся в полукрепостной зависимости у своих помещиков и нещадно эксплуатируемое фиском. Именно это обстоятельство и привело в конечном счете к краху столь широко развернувшееся сначала конституционное движение.

2. Конституционная борьба.

Оппозиционное движение в Персии началось уже давно — с пол. XIX века. В эту эпоху возникло, в несомненной связи с революцией 1848 г., — мощное религиозное движение — бабизм, которое наряду с мистическими доктринами, проповедывало также отрицание всех обрядов, равноправность женщин, единство и солидарность рода человеческого и т. п. Будучи таким образом не только рели-

гиозно-реформаторским, но и политическим движением, бабизм не мог не вызвать преследования со стороны центральной власти. Однако, к этому времени в Персии уже накопилось столько горючего материала, что шахским вой-

Казнь убийцы персидского шаха Наср-эд-Дина.

скам пришлось 4 года вести упорную борьбу с сектантами, пока их движение не было потоплено в крови. Царствование палача бабидов шаха Наср-эд-Дина (1848—1896) было эпохой самой свирепой реакции, особенно после крушения турецкого конституционного движения 1876/7 г. г.

Тем не менее оппозиционное движение не прекращалось, но, как это обычно бывает в социально отсталых странах — оно получило мистико-религиозный и сектантский характер. Интереснейшей фигурой периода 80 годов был основатель пан-исламского движения Сеид-Джемаль-эд-Дин-аль-Афгани. Агитируя в Персии, Константинополе, Индии и Египте за политико-религиозное объединение всех мусульман, он во время пребывания в Персии (1886—1890) обличал недостатки правительства, господствующих классов, чиновничества и т. п. Недаром его ученик Мирза Риза убил Наср-эд-Дина.

Другим конституционным деятелем той эпохи был «персидский Герцен», армянин Мальком Хан. Он сначала основал в Тегеране нечто вроде массонской ложи (Фарамуш-Хане) затем принужден был перенести свою деятельность в Лондон, где начал издавать первую оппозиционную заграничную газету «Закон» (Канун). Последняя возглашала необходимость введения конституции и пользовалась большим влиянием на интеллигенцию.

В 90-х годах мы наблюдаем уже первое массовое движение, вызванное уже упомянутой выше английской табачной монополией. Подкладка этого движения (1890) очень интересна: шах, воротясь незадолго перед тем из Европы, приступил к устройству реформированных судов, обещанным им Англии. Духовенство, испугавшееся потери судебных функций, в виде протеста и соорганизовало табачный бунт. К движению скоро примкнули все крупнейшие представители шиитского богословия (муштехиды), на страну был наложен своеобразный табачный интердикт, в результате чего шаху пришлось уступить и аннулировать одновременно концессию данную Tabacco Régie и судебную реформу. От последней остались лишь жалкие остатки вроде судов министерства иностранных дел для иностранцев (каргузары).

Как мы видим вплоть до XX века все оппозиционные движения, происходившие в Персии, носили или религиозный характер или же целиком инспирировались духовенством. Это впрочем неизбежно должно было произойти в такой отсталой стране, как Персия, где еще не успели оформиться те или иные классы, и где поэтому стихийный народный протест получал идеологическое оформление через посредство интеллигенции, т. е. в условиях Персии — духовенства.

К началу XX века это положение вещей уже круто меняется. Прежде всего, как мы уже выяснили, за последнюю четверть века в Персии произошел экономический переворот, вызвавший к жизни новые классы (буржуазия, помещики), постепенно проникающиеся сознанием своих соб-

ственных интересов. Сильнейшим образом форсировала рост самосознания исторически более прогрессивного класса — буржуазии, та беспощадная эксплуатация, которой подвергалась Персия со стороны России и Англии, при рабочем попустительстве со стороны Тегеранского правительства.

Что касается до прежних социальных группировок: ремесленников, рабочих, духовенства, то уже было выяснено, что они переживали под влиянием новых экономических факторов глубочайший кризис и стихийно протестовали против правительства, «продающего Персию иностранцам». Фактом огромного значения является то, что это нарастающее движение широких масс получило теперь свое идеологическое оформление уже не через посредство духовенства, а под творческим воздействием русской революции 1905/6 г. г. Об организационных связях кавказских революционеров с Персией мы будем говорить в дальнейшем: здесь отметим лишь, что еще до революции многие тысячи персидских рабочих получали в России (особенно в Баку) революционный закал: там бежавшие персидские революционеры печатали прокламации, закупали оружие и, вообще, проникались идеологией передовых социалистических партий Закавказья. Победа же, хотя бы и временная, русских народных масс над колоссом самодержавия, от которого больше всего пришлось страдать Персии, оказало огромное агитационное воздействие уже на все классы персидского населения.

Перед лицом этих грозных надвигающихся событий, персидские каджары обнаружили то же тупоумие, что и бурбоны перед 1789 годом или романовы перед 1917-ым. Шах Музафаер-эд-Дин (1896—1907), прославившийся своими противоестественными пороками и детской расточительностью, без счета заключал займы, которые шли на поездки шаха за границу, на подарки фаворитам и на покупки европейских «редкостей». Все управление страной преследовало исключительно фискальные цели: во главе стоял закоренелый реакционер принц Эйн-уд-Доуле, получивший титул Атабега. В 1906 году, во время третьей поездки за границу шах пытается заключить в Петербурге новый заем в 80—100 милл. франков. Однако французские банки отказывают в деньгах России, только что испытавшей дальневосточный разгром и шах возвращается ни с чем. После этого налоговой пресс заворачивается до последнего оборота винта. Атабег изощряется в введении новых и новых налогов, притом на предметы первой необходимости (мясо, хлеб, рис и т. п.). Все остальные налоговые ресурсы давно уже попали в монопольное распоряжение иностранцев. Жизнь начинает дорожать с поразительной быстротой. Куп-

цов подвергают всевозможным поборам, под видом косвенных налогов: напр., с одной только тегеранской скотобойни Атабег получает ежедневно в свою личную пользу около 1000 туманов.

Аналогичное явление происходит в резиденции наследника престола (валиагда) — в Тавризе. Тупой реакционер Мухамед-Али (Мемед-Али), находясь в стачке с азербайджанскими помещиками и купцами-оптовиками, спекулирует на хлебе, вызывая искусственный голод и подымая цены на него. Для маниакальной жадности наследника, характерно, что даже с нищих солдат (сарбазов) отправляющихся в отпуска, он брал взятку — в виде . . . цыпленка. В политическом отношении он находился под всецелым влиянием темного дельца, «охотника за концессиями» — Шапшала, приставленного к нему русским правительством.

И в Тавризе и в Тегеране царил режим самой черной реакции; захваченные революционеры подвергались утонченным пыткам, царила свирепая цензура, европейские школы закрывались для пресечения «мятежного духа» (в одном Тавризе Мемед Али закрыл 14 европейских школ) и т. п., и т. п.

Прежде чем приступить к описанию массового конституционного движения 1906—1908 г. г. надо сделать одну существенную оговорку. Если мы в оценке его будем исходить из аналогии с западно-европейскими революциями, то мы неизбежно сделаем большую ошибку. Хотя мы и говорим о «персидском» конституционном или революционном движении, но необходимо помнить, что последнее всегда было ограничено двумя-тремя провинциями Персии, в то время как остальные играли обыкновенно чисто пассивную роль, а иногда и враждебную.

Совершенно естественно, что центрами движения были северные провинции (Азербайджан и Гилян), более развитые экономически, в силу своих естественных богатств, количества населения, а также близости к России. Сравнительно более развитая буржуазия этих провинций, больше всего страдала от конкуренции русских торговых агентов, местные ремесленники особенно тяжело переживали внедрение западных фабрикатов, убивающих их ремесло. Близость революционного Закавказья в тоже время давала мощный импульс для борьбы против абсолютизма, продающего их оптом и в розницу царской России. В свете этих суммарно набросанных фактов, неудивительно, что в течение последних 20-ти лет, вплоть до настоящего времени, именно Азербайджан и прикаспийские области сохраняют свое значение наиболее беспокойных, революционных очагов всей Персии.

Что касается Хорасана, то он обыкновенно занимал резко-враждебную позицию по отношению к оппозиционному движению. Объясняется это тем, что Хорасан, в противоположность всей остальной Персии относительно выиграл от русского проникновения. Проведение закаспийской железной дороги через Асхабад почти вдвое сократило стоимость ввозимых товаров. Замирение туркменом Закаспия, избавило жителей Хорасана от их ежегодных разбойничьих экспедиций. Больше всего выиграло от этого влиятельное духовенство, имеющее в Хорасане главную шиитскую святыню — гробницу имам Риза в Мешхеде. Благодаря безопасности дорог, ведущих к последнему, усилился приток паломников и духовенство учетверило свои доходы. Вследствие этого, поскольку движение против шахского абсолютизма, было одновременно направлено и против России — Хорасан не принял в нем участия и даже занял верноподданническую позицию.

Наконец, что касается до центральных и особенно южных провинций Персии, полупустынных и редко населенных, то они не имели объединяющих центров и в значительной степени жили оторванной жизнью от остальной страны. Лозунг, выброшенный северянами — борьба с шахом и с Россией, не мог привлечь буржуазию Кирмана, Иезда или Шираза, так как она находилась под экономическим влиянием Англии, носившим вдобавок несравненно менее опасный и назойливый характер. Вследствие этого мы видим, что в течение первых лет конституционного движения центральные и южные провинции проявляют, кроме немногих центров (как напр. Исфахан) почти полную политическую инертность и безразличие к завязавшейся борьбе. Участие бахтиар в революции, как мы увидим в дальнейшем, носило совершенно специфический характер и было вызвано не столько внутренними факторами, сколько чисто внешним политическим воздействием.

3. Крушение абсолютизма.

Конституционная борьба 1906—8 г. г. отличалась необычайно курьезным «старо-персидским характером»¹⁾. Началось движение на чисто экономической почве. Не довольствуясь теми поборами, от которых буквально стонало население, губернатор Тегерана объявил новый налог на сахар. Это переполнило чашу терпения горожан, они отка-

¹⁾ Знаменитый ориенталист Э. Браун делит конституционное движение на 5 периодов: 1) подготовительный, 2) первый конституционный период от 5/VIII—1906—23/VII—1909 г. 3) Государственный переворот и реакция Мемед Али шаха (23/VI—08 г.—16/VII—1909), 4) второй конституционный период (16/VII—1909—24/VII—1911) от низложения шаха до изгнания М. Шустера. 4) Последующий период.

заставили его платить и послали ряд делегаций к губернатору. Духовенство решительно перешло на сторону оппозиции и советовало населению вовсе не платить денег правительству. Губернатор ответил на это репрессиями и велел высечь палками по пяткам 27 уважаемых купцов и несколько сеидов («потомков» Мухаммеда). Горожане и духовенство ответили на это закрытием базара и уходом в святилище Шах Абдул Азим, где они и сели в бест. Боясь увеличения беспорядков, шах обещал протестантам выполнить все их требования, а именно назначить совет реформ и учредить «дом правосудия» (Адалет наме). Ни одно из этих обещаний не было, конечно, выполнено, и все осталось по старому. Тогда мы наблюдаем замечательный факт, возможный лишь в условиях дореформенной Персии. Наиболее влиятельное духовенство (муштехиды), сопровождаемое тысячами более мелких духовных лиц и мирян, в знак протеста торжественно покидают Тегеран и удаляются в городок Кум (июль 1906 г.). Это «великий исход» поставил правительство в чрезвычайно затруднительное положение. В Персии целый ряд актов государственной и частно-правовой жизни нуждаются в санкции высшего духовенства; поэтому уход его означал приостановку всей жизни, нечто вроде церковного отлучения, налагаемого в средние века папами. Так как одновременно свыше 10.000 купцов сели в грандиозный бест в британском посольстве, то замерла вся экономическая жизнь столицы.

Перепуганный шах поспешил уступить: он удалил наиболее ненавистного населению великого визиря—Атабега, и объявил манифест, в котором были обещаны созыв Меджлиса, устройство Высшей Судебной Палаты, проведение реформ и дарование амнистии.

В октябре 1906 года уже произошло открытие первого Меджлиса, хотя к этому моменту съехалось незначительное число депутатов. Короткое время спустя умер первый «конституционный» шах Музафер-эд-Дин, оставив престол махровому реакционеру Мемед Али. Заря персидской свободы, как мы видим, забрезжила на небе, покрытом злобными тучами.

По своему составу Меджлис представлял преимущественно высшие и средние классы. Политическое руководство в нем принадлежало северянам, имевшим более или менее выработанную политическую программу. Наоборот, что касается до южан, то их группировки носили преимущественно личный характер. Господствующий в Меджлисе политический блок, так наз. «демократическая партия»¹⁾, выставил чрезвычайно широкую программу реформ.

¹⁾ Руководимая лидерами—(по большей части тавридцами) Таги—Зале, Гулли-хан, Навваб и др.

Бест во дворах английской миссии в 1906 г.

Она включала требование десятичасового рабочего дня, подоходного налога, раздела государственных земель между крестьянами и т. п. Правда, весьма скоро этот аморфный блок распался на два крыла: умеренное и экстремистское; впоследствии же, в процессе кристаллизации политической борьбы, большая часть демократической партии пошла за реакционно-дворянскими кругами и за вдохновляющими их Англией и Россией.

В провинции вся власть перешла в руки энджуменов (выборных комитетов), в массе своей состоящих из купцов и ремесленников. Помимо официальных энджуменов, т. е. административных советов, возникло множество неофициальных, представлявших из себя политические клубы самого разнообразного направления: от крайних левых до реакционных.

Работа первого Меджлиса отличалась, чрезвычайно широким подлинно прогрессивным размахом. Была отменена продажа должностей, энджумены получили право избирать судей, сбор десятины был изъят из рук помещиков и поручен администрации, наконец, был уничтожен архаический институт «тиюлей», т. е. феодальных пожалований. Очень существенная работа была произведена по упорядочению бюджета: сильному сокращению подверглись все непроизводительные расходы (пенсии придворным фаворитам, гражданский лист шаху и членам династии, жалование придворным), благодаря чему удалось избежать предполагаемого дефицита (около 600.000 рублей) и сбалансировать бюджет даже с некоторым излишком.

В сентябре 1907 года шах подписал «дополнение к основному закону», представлявшее из себя в сущности — конституцию. Последняя отличалась чрезвычайно своеобразным характером и наряду с параграфами, заимствованными из французской декларации прав человека и гражданина, заключала ряд статей, проникнутых чисто клерикальным характером и по существу и по фразеологии. Так например, Меджлис открыто присвоил высшему духовенству функции верховных блюстителей конституции и контролеров над всей законодательной деятельностью: «просвещенным муштехидам» (да продлит всевышний благословением их жизнь!) предоставляется право решать соответствует ли данный законопроект правилам ислама или нет, для чего официально учреждается особый наблюдательный комитет, состоящий не менее чем из пяти муштехидов, которому предоставляется рассматривать и обсуждать все внесенные в Меджлис предложения и отвергать или перерабатывать всякий законопроект, противный мусульманской вере». Огромную важность представляет статья 106 конституции, указывающая, что «никакие иностранные войска не могут

быть приглашены на государственную службу и находиться на территории империи или проходить по ней, за исключением случаев, предусмотренных законом». Совершенно несомненно, что оговорка в конце этой статьи буквально была вырвана Россией, уже в то время жадно стремящейся к военной интервенции и оккупации северных провинций.

Реформаторская деятельность Меджлиса не могла не вызвать резкой оппозиции среди правящих классов. Первыми перекинулись на сторону реакции дворянско-помещичьи круги. Изъятие от них сбора десятины и уничтожение института тиюлей — сделало эти круги непримиримыми врагами Меджлиса и конституции. Не менее озлоблены были придворная клика и крупная бюрократия, теряющие благодаря финансовым проектам пенсии, огромные оклады и право хищнического сбора налогов. Центром всей этой реакционной оппозиции стал естественно Мемед шах, не могущий примириться со своим положением конституционного монарха, получающего к тому же ничтожное содержание в 2½ милл. франков. Неудивительно, что с декабря 1907 г., мы видим приток к шаху роялистов, готовящихся бороться за свои «попраные права».

Росту реакции немало содействовал тот временный распад государственных форм, который всегда неизбежно сопровождает всякое массовое политическое движение.

В Азербайджане (особенно в Тавризе) мы видим уже признаки начинающейся гражданской войны. При выборах в Меджлис местное духовенство и помещики борются против демократов; на улицах происходят убийства, на базарах вспыхивают стачки. Общая смута увеличивается благодаря внезапному движению турецких войск на персидскую границу: шеститысячный отряд с орудиями захватывает ряд пограничных пунктов, в том числе курдский центр Соудж-Булак. Существует подозрение, что движение турок было спровоцировано самим шахом, желавшим таким путем увеличить общую разруху. На русской границе происходит столкновение пограничных войск с отрядами курдов и шахсеванов; в Хамадане брат шаха Салар-уд-Доуле подымает восстание; в Хорасане городское население терпит от набегов туркмен. Наконец, особенно сильная разруха происходит на юге, где население изгнало старых губернаторов, организовало еврейские погромы (в Ширазе), подвергло гонениям ряд иностранных фирм и т. п. Пользуясь ослаблением центральной власти, крестьяне и соседние кочевые племена организовали жакерию, грабеж караванов и в результате, отрезали все торговые пути. Даже в самом Тегеране начались политические убийства, жертвой которых между прочим пал (от руки сарафа) Атабег-и-Азам, вызванный шахом, очевидно, в предвидении контрреволюции.

Образовался даже подпольный «комитет возмездия», руководимый известным персидским революционером Гайдарханом (Реджеб Бомби), трагически погибшим в Гиляне в 1921 году.

4. Государственный переворот. Борьба с реакцией.

Как мы видим, почва для реакции была достаточно подготовлена и в центре и в провинции. Однако, решающая роль в организации контрреволюции принадлежала не персидским реакционным группам, а России и Англии.

Последние на втором году конституционного движения заключили соглашение (1907 г.), представлявшее фактически раздел Персии. Им предстояло теперь установить свое монопольное политико-экономическое влияние в назначенных сферах действия, конечно, при помощи послушного и подкупного тегеранского правительства. И вдруг на этом заманчивом пути перед ними встал призрак обновляющейся Персии, собирающейся покончить со всякими зонами, сферами в интересах государственного единства. Если Россия больше всего боялась, что для нее исчезнет возможность военной оккупации облюбованной территории, то Англия особенно страдала от финансовых реформ, проектируемых демократами. Изыскивая новые источники доходов, крайное правительство проектировало, напр., увеличить пошлину на чай и сахар; англичане тотчас же выразили резкий протест против этого «нападения на их интересы».

Основным методом, совместно применяемым Англией и Россией в борьбе с прогрессистами, была финансовая блокада Персии. Последняя нуждалась в деньгах для выполнения намеченных преобразований и искала повсюду займа. Обе державы тотчас же применили свой излюбленный метод, давно употребляемый ими во всех полукOLONиальных странах (в Египте, Китае и т. д.) и сорвали все попытки демократического правительства достать извне деньги. Вместе с тем Россия и Англия пытались навязать новый заем в 4 милл рублей на условиях, устанавливающих их фактический контроль над политической и экономической жизнью Персии. С этой целью они вступили в переговоры с шахом без ведома Меджлиса. Когда последний отверг предлагаемый заем, то дипломатические представители Англии и России (Марлинг и Гартвиг) не постеснялись снять с себя маски и пригрозили государственным переворотом в случае дальнейшего противодействия шаху. С этого же момента обе державы начали почти открыто поддерживать Мемед шаха и материальными средствами и агитацией среди реакционных кругов и отсталых племен и, вообще, всем своим политическим влиянием.

Опираясь на мощную поддержку «держав покровительниц», шах, только что в четвертый раз присягнувший конституции, готовится к совершению государственного переворота. Первый «удар», нанесенный им (в дек. 1907 г.), оказался, впрочем, неудачным¹⁾. При первом известии о готовящемся перевороте из Тавриза и Решта двинулись партизанские отряды муджехидов — т. е. «борцов за съезную (в данном случае революционную) войну». Шах отступил; однако, по настоянию Англии он не был свергнут, и в Тегеране был образован специальный «комитет примирения» между шахом и Меджлисом. Это отступление носило, понятно, лишь временный, чисто вынужденный характер.

Весной 1908 г., после неудачного террористического покушения, шах удаляется в загородный дворец, объявив предварительно в Тегеране военное положение и снабдив командира казачьей бригады пол. Ляхова — диктаторскими полномочиями. Ретивый полковник тотчас же принимается за работу. Он разгоняет муджехидов, бомбардирует Меджлис (23/VI 1908 г.), разгоняет депутатов и наиболее опасных вешает (Мирзу Джехангира и 6—7 других). После удачно совершенного переворота благодарный шах назначает Ляхова военным губернатором Тегерана.

Лишь после этого мирное конституционное движение переходит в гражданскую войну, принимающую подчас характер героической эпопеи.

В это время мы видим три центра сопротивления: Азербайджан, Гилян и несколько позже Бахтиарию. В Тавризе, этой цитадели персидской революции, энджумен объявляет шаха низложенным; два молодых офицера Саттар хан и Багир хан, опираясь на помощь закавказских революционеров фидаев (т. е. «жертвующих собой» на дело революции), изгоняют всех реакционеров и организуют оборону города. Сначала им приходится иметь стычки с бандами вожда разбойничьих шаек Рахим хана, получающего поддержку со стороны русских агентов, а затем подходят шахские войска и начинают осаду города. Эта осада длится 9 месяцев, сопровождаясь удивительными примерами энтузиазма и героизма со стороны осажденных. Характерно, что их энергия получила новый импульс при известии о младотурецком перевороте, низвергшем абсолютизм Абдул Гамида. Этот факт лучше всяких слов доказывает, насколько были объединены в ту эпоху общим революционным настроением: Закавказье, Персия и Турция. Лишь в апреле (19) 1910 г. приход русских войск под предлогом «защиты русских под-

¹⁾ По его приказанию был арестован и закован в цепи демократический премьер Назир-уль-Мульк, азербейджанский магнат, получивший образование в Оксфорде. Вскоре шаху пришлось его освободить.

данных» положил конец этой исторической осаде Тавриза. Последний к этому моменту уже сыграл свою роль: он оттянул к себе все шахские войска и дал возможность фидаям Гиляна и бахтиарам подготовить поход на Тегеран.

Революционным центром Гиляна — был Решт, превратившийся в «вольный город». Именно здесь была главная база закавказских фидаев, бежавших в Персию после разгрома русской революции 1905/6 г. г. Около 300—400 испытанных закавказских революционеров, во главе с армянином Ефремом, изрыли траншеями дорогу от Энзели до Тегерана и, укрепившись в них, брали в плен персидских вельмож, крупных купцов, заставляя их платить выкуп. Во главе сформированных отрядов был насильно поставлен губернатор Гиляна магнат и крупный военный поставщик Мохамед Вели хан, более известный под своим титулом Сепехдара.

Совершенно иным характером отличалось выступление в защиту конституции горцев-бахтиар, под предводительством своего наследственного вождя Хаджи-Али Кули Хана, также более известного под своим титулом Сердар Асада (маршала). Секрет движения бахтиар заключался в том воздействии, которое оказала на них Англия, боящаяся чрезмерного утверждения в Тегеране России, благодаря «подвигам» Ляхова и прямой поддержке оказываемой ею — шаху. Бахтиары, населяющие северную часть Хузистана, были тесно связаны с англичанами, благодаря деятельности фирмы Линча, а также эксплуатации на их территории нефтяных залежей. Английская «Бахтиарская нефтяная компания», (Bachtiani Oil Co), являющаяся филиалом Anglo-Persian Oil Co, уплачивала их вождям 3% стоимости добываемой нефти, а также ежегодную субсидию в размере 3000 фунтов стерлингов. Благодаря этому бахтиары находились в финансово-политической зависимости от англичан и отправляли полицейские функции по охране дорог и промыслов. При таких условиях их нетрудно было превратить в «защитников конституции», снабдив оружием и деньгами и обеспечив нейтралитет соседей, главным образом влиятельного шейха Мохаммеры — Хозаля, являющегося почти вассалом Англи. Значительно облегчало это предприятие то обстоятельство, что Седар Асад повидимому мечтал, в результате низвержения Мемед шаха, лишить трона каджаров и утвердить новую бахтиарскую династию. Обе стороны обладали чрезвычайно ограниченными силами. Единственный боеспособный отряд, которым располагал шах, а именно казачья бригада, состоял всего из 5000 человек; им противостояли 2000 бахтиар и 1000 рештян.

В июне 1909 года начался поход северян и южан на Тегеран. В июле Ефрем взял Казвин. Им приходилось силь-

но торопиться, так как Россия приступила к вооруженной интервенции в пользу шаха. Русские отряды уже заняли Астрабад и Мешхед и трехтысячный десант появился в Энзели в тылу у рештян. Ловким маневром фидаи обошли шахские войска и после четырехдневных боев под Тегераном заставили шаха бежать (16/VIII 1909 г.) в русское посольство. Конституционное или теперь уже вернее революционное движение — восторжествовало и спустя короткое время русские отряды были постепенно удалены из Тавриза и Энзели.

5. Крах конституционного движения.

Достигнув своей кульминационной точки в дни победы над шахом, персидское конституционное движение начинает быстро падать. Объясняется это необычайной внутренней слабостью движения. Территориально, как мы видели, оно никогда не захватывало всей Персии, а лишь несколько пограничных провинций, составлявших вдобавок сферу влияния России. В социальном отношении конституционное движение переживало полный распад. Что касается до помещиков и крупного духовенства, то они уже давно прочно обосновались в лагере реакции. Позвоночный столб всего движения — буржуазия, утомленная гражданской войной и испуганная социалистическими лозунгами, принесенными кавказскими фидаями, переживает процесс расслоения. Что касается до боевой силы конституционалистов, то, как мы видели, она была вообще весьма незначительна и кроме того бахтиары, предпринимая поход на Тегеран, думали не столько о спасении конституции, сколько о завоевании Персии в пользу своего племени, как это было некогда совершено афганцами, каджарами и другими.

Главная же трагедия персидских революционеров заключалась в том, что, победив внутреннюю реакцию — они оказались бессильными перед натиском внешней реакции, представленной Россией и Англией. Последние начинают с железной последовательностью проводить свой план ликвидации конституционного движения и полного политико-экономического подчинения страны. С этой целью они применяли два метода. С одним из них мы уже вкратце ознакомились — это финансовая блокада, имеющая задачей полное финансовое, а затем и политическое закабаление страны. Естественно, что после победы над шахом правительство терпело особенно сильную финансовую нужду. Необходимо было содержать отряды бахтиар, платить жа-

лование фидаям и сверх этого пенсии экс-шаху (100.000 туманов) и его родственникам¹⁾, вырванные Англией и Россией. Правда, обе державы вновь предложили устроить заем в 4 милл. руб., но на драконовских условиях (получение привилегированных прав в сферах влияния, (инструктирование войск, предоставление ж. д. концессий и т. п.). Меджлис отверг это предложение (10/IV—1910 г.) и попробовал вывернуться собственными силами. Он произвел оценку коронных ценностей для заклада их и пытался заключить заем у частных банковских синдикатов. Россия и Англия немедленно и в самой резкой форме ликвидировали эти поползновения Меджлиса. Они наложили запрет на заключение займов у кого либо помимо их, ввиду их «политических и стратегических интересов» в стране. Несколько позже они вырвали обязательство не давать помимо их никому железнодорожных концессий.

Вполне понятно, что в условиях такой финансовой изоляции Персия должна была в конце концов сдаться, после чего, как увидим дальше, за финансовым закабалением действительно последовал и территориальный захват Персии.

Вторым методом, применяемым в тех же целях Россией и Англией, было давление на тегеранское правительство в сторону реакции и почти открытая организация гражданской войны и контр-революции. Неудивительно, что вплоть до мировой войны в политической жизни Персии царил необычайный хаос и искусственно вызываемая разруха. Это не мешает впрочем официальному английскому историографу Персии ген. Перси Сайксу заявлять, что главной причиной крушения конституционного движения явилась «неспособность и подкупность новой администрации».

Тотчас после победы над шахом был созван экстренный национальный совет (Меджлис-и-Али) из членов разогнанного Меджлиса, а также образована директория из 20 человек, во главе со «спасителями конституции» Сепехдаром и Сердар Асадом. Как уже отмечалось, шаху, отправившемуся на покой в Одессу, была назначена пенсия, при условии невмешательства в жизнь страны²⁾.

Спустя несколько месяцев состоялось открытие второго Меджлиса, 15/XI 1909 г., резко отличавшегося от предшествующего. Наиболее влиятельную фракцию его составляли «умеренные» (ихтидалюн), вербовавшиеся из помещиков,

¹⁾ Напр., принц Зиль-ес—Салтана получил пенсию в 100.000 туманов. Кроме того Россия потребовала уплаты ей долгов шаха достигавших 4 милл. руб

²⁾ Ввиду малолетства нового шаха Ахмеда был назначен регент Насир—уль—Мульк.

крупной бюрократии и богатого купечества¹⁾. Затем шло несколько промежуточных фракций: «коалиционная», «прогрессивная» и, наконец, лишь кучка из 22 депутатов составляли демократическую партию.

При таком составе Меджлиса и при полном подчинении правительства России и Англии, немудрено, что в центре скоро началась форменная реакция. Борцы за революцию муджехиды были удалены из Тегерана, фидаи — разоружены после кровавой схватки, в которой был ранен герой Тавриза — Саттар-хан; повсюду царили интриги, подкуп; происходили политические убийства. Во главе правительства беспрестанно сменяли друг друга Сепехдар и Сердар Асад, причем оба были в сущности лишь марионетками в руках русских и англичан.

В конце 1910 г. повсюду вспыхивает уже открытое контр-революционное движение. Инициатива его принадлежала поровну персидским реакционерам и России. Центром контр-революции сделался северный Азербайджан, примыкающий к границам Закавказья. Бывший русский офицер Дераб-мирза нападает на Зенджан, причем его солдаты имеют при себе русские охранные удостоверения. Уже знакомый нам предводитель шахсеван Рахим хан угрожает Ардебилу. Когда правительственные войска окружают его, на подмогу спешит русский отряд, который и дает ему возможность бежать. Наконец, русское посольство укрывает ряд политических убийц и втихомолку отправляет их за границу.

В середине 1911 г. выступает уже на сцену сам экс-шах, при открытой поддержке со стороны России. На русском пароходе он переплывает Каспийское море, при чем оружие, патроны и пр. следует в ящиках с надписью «минеральные воды». Высадившись на юго-восточном побережье — Мазандеране, он начинает концентрировать все контрреволюционные силы. Одновременно политический «курилка» брат его Салар-уд-Доуле движется во главе лурских банд на Керманшах. Россия становится почти открыто на сторону шаха. Русский консул в Мешхеде вербует для него добровольцев; его коллега в Тавризе запрещает даже выступать против шаха.

В эти тяжелые минуты, когда Персии угрожала кровавая реставрация Мемед шаха, у нее явился буквально спаситель в лице американского финансового советника Моргана Шустера (май 1911 г.). В отличие от всех иностранцев, которые до этого и после этого находились на персидской службе, он один действительно думал о нуждах страны, а не об интересах пославшей его державы или ка-

¹⁾ Лидеры умеренных Мушир-уд-Доуле, Теба Тебаи и друг.

ких-либо финансово-индустриальных групп. В условиях необычайной разрухи, в которых очутилась Персия после возвращения ех-шаха, Шустер потребовал неограниченных полномочий, охотно предоставленных ему Меджлисом. После этого, с необычайной энергией он принялся за реорганизацию самого больного места государственного аппарата Персии, а именно ее финансов. Он реорганизовал управление таможнями, до сих пор целиком подчиненных не государству, а бельгийцам, создал специальную жандармерию, подчиненную министерству финансов, наконец, пытался прорвать англо-русскую финансовую блокаду, вступив в переговоры с берлинским банкирским домом Зелигманн о предоставлении займа в 40 милл рублей. Благодаря этим удачным финансовым мероприятиям, Шустер собрал значительные средства, на которые он формировал отряды для борьбы против ех-шаха и его братьев Салар-уд-Доуле и Шоа-эс-Салтане. Последние действительно были разбиты, их шайки рассеялись и Мемед Али принужден был вторично, и на этот раз окончательно, перебраться в Россию.

Деятельность Шустера, ликвидировавшая контр-революцию и сулящая действительное обновление Персии — естественно вызывала бешенство в Англии и особенно в России. Последняя выбрасывает лозунг «надо покончить с Шустером» и вступает в предварительные переговоры с Англией. В конце 1911 года Нератов об'являет британскому представителю, что «Россия предпримет самые суровые меры, равносильные занятию персидской территории». В последующей беседе выясняется, что «реформы в Персии должны совершаться постепенно и так, чтобы не нарушались русские интересы». В ответ на это наглое заявление царского дипломата, боящегося, что Персия выскользнет из стальных когтей царизма, руководитель английской политики Эдуард Грей — шлет успокоительную телеграмму (в октябре 1911 г.), что «никакое правительство, отказывающееся соблюдать интересы России, нетерпимо в Тегеране». Тут же Грей дает прямое согласие на удаление американского советника, цинично заявляя при этом английскому послу: «я не хочу сам провоцировать удаление Шустера».

Получив на бланке смертного приговора подпись Англии, хотя и написанную невидимыми чернилами, царская дипломатия с необычайной даже для нее грубостью приступает к расправе. Спровоцировав столкновение между русским дипломатическим агентом и финансовой жандармерией, при конфискации имущества заядлого контр-революционера принца Шоа-эс-Салтане, Россия посылает персидскому правительству один за другим два ультиматума,

в которых требует: извинения, удаления Моргана Шустера, приглашения в дальнейшем иностранных советников лишь с согласия Англии и России и оплаты расходов за русскую оккупацию. На выполнение всех этих требований было дано 48 часов. Меджлис, увлекаемый кучкой демократов, сбросил в себе гражданское мужество отвергнуть русские требования. После этого началась, быть может, самая мрачная страница во всей новейшей истории Персии.

Россия концентрирует в Северной Персии около 12.000 солдат и оккупирует Тавриз, Решт, Казвин и Мешхед. Начинаются мрачные декабрьские дни 1911 года. В Тавризе, придравшись к нападению патриотов на русские войска, оккупанты вешают восемь высших представителей духовенства, причем виселицу обивают русскими флагами; с ненужной варварской жестокостью дома казненных взрывают при помощи динамита.

В Мешхеде русский консул «для защиты русских подданных» стягивает войска; после этого перс-провокатор производит несколько выстрелов, которые вызывают бомбардировку наиболее чтимой шиитской святыни мечети имам Ризы. Умертвив несколько мирных жителей, русские оккупанты при сей okazji не брезгают захватить богатую сокровищницу мечети, передав ее отделению Учетного банка. Правда, в результате протестов англичан, они впоследствии возвращают ее обратно, но — как замечает тогдашний британский представитель в Мешхеде П. Сайкс — удержав кое-что в своих руках.

Русские империалисты требуют новых и новых репрессий. «Новое Время» цинично заявляет, что «истинная гуманность требует жестокости» и требует беспощадного уничтожения фидаяев.

После этой «подготовки» русские войска движутся на Тегеран. Однако, не дожидаясь их прибытия, Меджлис капитулирует. Новое правительство принимает все условия русских ультиматумов, распускает Меджлис (на 2 года), запрещает все общественные собрания и закрывает большую часть газет. Русский империализм и стыдливо прячущийся за его спиной джентльменский британский империализм могут праздновать свою победу над беззащитной страной.

6. Закабаленье Персии Англией и Россией.

После расправы, учиненной русскими войсками, мы видим как воцаряется тот «персидский хаос», который без усталости лицемерно осуждает русская и английская пресса. С калейдоскопической быстротой сменяются один за другим кабинеты, по очереди то англофильские, то руссофиль-

ские. Бахтиары в последний раз выступают в качестве водворителей порядка, но, потерпев поражение от вновь организованной жандармерии—уходят в свои горы. На окраинах происходят бесконечные восстания, возглавляемые все теми же Саларом и Шоа. Россия пытается «легализовать» их, превратив в губернаторов различных северных провинций. На сопротивление отчаявшегося населения эти беззастенчивые авантюристы отвечают жесточайшим террором. Даже выдавший виды английский консул сообщает, что расправы Шоа-эс-Салтане «произвели тяжелое впечатление на европейскую колонию». Поддержка контр-революции преследует вполне определенную цель: она дает возможность России безпрестанно требовать денежных компенсаций за те или иные разрушения и убытки, а также выторговывать различные уступки взамен отказа от поддержки мятежников.

Благодаря этой искусственной разрухе, вносимой в жизнь Персии, все туже и туже стягивается та финансовая петля, которая, как мы видели, уже давно была наброшена на нее Россией и Англией. Уже в 1911 году Англия навязала заем в 12.500.000 рублей, гарантированный доходами со всех таможен, телеграфа и монетного двора. В дальнейшем процедура финансирования Персии еще более упростилась. Ей уже не открывали займов, а лишь давали небольшие авансы (из 7%); при этом последние шли главным образом на уплату всевозможных «возмещений» за убытки, причиненные, как мы видели, самими же Англией и Россией. Так, например, тотчас же после ликвидации Шустера (в феврале 1912 г.) обе державы потребовали возобновления пенсии ех-шаху в размере 75.000 туманов (хотя она была ему в свое время предоставлена лишь при условии невмешательства в жизнь страны, что им было нарушено), а также уплаты возмещений за убытки, причиненные его войсками в размере 70.000 туманов. Чрезвычайно предупредительно лорд Грей согласился авансировать около 2 мил. рублей (1.891.000 руб.), но при условии признания соглашения 1907 г. и израсходования половины суммы на организацию жандармерии¹⁾.

Подкупленное и раболопствующее тегеранское правительство приняло эти условия и лишь просило о скорейшей эвакуации русских и английских войск.

Между тем покончив с «внутренними врагами» и расшатав в конец государственный организм Персии, Россия и Англия переходят от финансового закабаления к терри-

¹⁾ В дальнейшем (между 1912—1914) английский шах-их-шахский банк выдал еще несколько авансов, на сумму 4.900.000 рублей, из которых почти ни копейки не попало в персидское казначейство.

ториальной аннексии облюбленных ими территорий. Россия совершенно «по-хозяйски» устраивается в северных провинциях. В Азербайджане ее войска вплоть до мировой войны держат в оккупации линию Джульфа-Тавриз. Русские агенты скупают деревни, арендуют земли и даже колонизируют страну; так в 1913 г. сюда было переселено около 300 русских семей. Тавризский консул, присвоивший функции верховного правителя, сам собирает подати (малиат), помещая их в депозит Учетно-Ссудного Банка. Консул в Реште закрывает по своему произволу газеты и т. п. Царские дипломаты по-прежнему не скрывают своего намерения в ближайшем будущем аннексировать Персию. Посол Коростовец делает в одном интервью следующее многозначительное заявление: «Если анархия продолжится, то русские власти намерены изменить конституцию и узаконения, касающиеся Меджлиса»; в дальнейшем с характерным цинизмом, он утверждает что: «лишь Шоа может водворить порядок в Тавризе и провинции».

Совершенно той же тактики придерживаются англичане в облюбленной ими южной Персии. Постоянным поводом для их вмешательства в дела Персии является опасность, угрожающая торговым дорогам. Уже в 1910 году они ультимативно требуют водворения в течение 3-х месяцев полной безопасности на дорогах юга, угрожая в противном случае сформированием для этой цели отряда в 1000—1200 человек под командой индо-британских офицеров. Тегеранское правительство в ответ на этот ультиматум указывает, что английская торговля не только не уменьшилась на юге, но даже увеличилась в сравнении с предыдущим годом на 10%. Для самих англичан впрочем не было секретом действительная ценность этих «жалоб манчестерских купцов». Так в 1911 г. в секретной переписке английский посол Барклай признает, что на ветке Бушир-Шираз давно не отмечалось ни одного грабежа и не была повреждена ни одна телеграфная линия. Это не мешало, впрочем, Англии водворить в Бушире 400 сипаев, усиленных впоследствии целым полком раджпутов (1913 г.)¹⁾.

Не ограничиваясь этими пробными аннексиями, англичане пытались создать на юге военную силу, которая, будучи номинально персидской, на самом деле являлась бы для них таким же послушным орудием, как казачья бригада для России. С этой целью они начинают формировать (начиная с 1911 г.) пресловутый корпус жандармов, обуславливая, как мы видим, организацией его, предостав-

¹⁾ Кроме того англичане сделали своими агентами нескольких губернаторов южных провинций, субсидируя их за счет местных доходов, взимаемых бельгийцами.

ление всех займов и авансов. Этот корпус предположено было довести до 70000 человек, причем организация его была поручена шведским офицерам, с большим умением взявшимся за это дело. Оказывая всяческую поддержку жандармерии¹⁾, англичане стремились развернуть ее на территории всей Персии и тем создать преграду для русского продвижения. Однако, как мы увидим в дальнейшем, с началом мировой войны англичанам пришлось жестоко разочароваться в созданной ими жандармерии.

Совершенно несомненно, что если Персия не была территориально поделена между Англией и Россией уже до мировой войны, то это произошло исключительно из-за боязни со стороны Англии — чрезмерного усиления России, грозящего привести ее к самым границам Индии.

Именно поэтому последние три года, предшествующие мировой войне, отмечены резким обострением отношений между двумя державами в Персии. Английский посол Тоунлей, охарактеризованный "Morning Post", как «человек с энергичным кулаком», следующим образом охарактеризовал в служебной переписке те разногласия, которые тогда существовали между Англией и Россией: «мы поддерживаем регента, бахтиар и жандармерию; Россия выступает против регента и за ограничение сферы влияния жандармерии». Конечно, можно было бы привести здесь целый ряд других причин, которые вызывали ожесточенную борьбу между двумя державами. Одним из наиболее существенных поводов к столкновению являлась борьба за железнодорожные концессии, уже охарактеризованная в первой части настоящей работы. В начале 1913 года Россия одержала здесь крупный успех, добившись получения ж. д. концессии на линию Джульфа-Тавриз-Урмия. Дорога эта имела не только экономическое, но и крупное стратегическое значение в предвидении неизбежной войны с Турцией. Неудивительно, что когда персидское правительство пыталось добиться права выкупа дороги в течение 15-ти лет, то ей было категорически отказано по соображениям государственной обороны²⁾. Не ограничиваясь этим успехом, русские металлургические круги хлопотали о получении концессии на линию Аляты-Астара, заранее учитывая экономическую убыточность этой линии, имеющей лишь политическое значение.

Англия потерпела здесь крупное поражение, получив в виде компенсации лишь право первенства на железнодо-

¹⁾ Бюджет жандармерии был определен в 6 милл. рублей. В шахин-шахском банке был для нее открыт специальный счет.

²⁾ Концессия была дана Учетно-Ссудному Банку на 75 лет, с правом разработки в 60-ти верстной полосе подпочвенных богатств. Кроме того концессия предоставляла России преимущественное право на линию Тариз-Казвин.

рожную линию Мохаммера-Хоремабад. Все это, конечно, не могло не обострить отношений между двумя державами, тем более, что линия Джульфа-Тавриз являлась первым звеном русской трансперсидской дороги.

Воспоминания английского посла в Петербурге Джорджа Бьюкенена дают яркую картину тех трений, которые происходили между Россией и Англией по персидским делам за период 1911—1914 г. г. Как оказывается, ему без конца приходилось сглаживать «трения» и взаимное непонимание». Во время одной беседы с Николаем II-м (в июне 1914 г.) он даже заявил, что «британское правительство не сможет сохранить русско-английское соглашение (1907 г.), и к сожалению симпатии либералов и консерваторов одинаково утеряны благодаря событиям в Персии». Русские империалисты, впрочем, нисколько не скрывали своих намерений, и в то время, как Англия защищала «целость» Персии, они прямолинейно предлагали целиком поделить ее, уничтожив нейтральную зону.

Мировая война заставила английских империалистов отбросить все их колебания. Согласившись на требование России предоставить ей Константинополь и проливы, Англия потребовала взамен передачи ей нейтральной зоны. Русское правительство с радостью согласилось на эту «уступку». В начале 1915 года Сазонов телеграфирует в Лондон, что «императорское правительство подтверждает свое согласие на включение нейтральной зоны в английскую сферу влияния». При этом оно считает, однако, справедливым выговорить, чтобы «районы городов Испагани и Иезда, составляющие с последними одно неразрывное целое были закреплены за Россией, ввиду создавшихся там русских интересов».

Выговорив затем предоставление России части нейтрального клина у Зюльф리카ра, а также право железнодорожного строительства в передаваемой англичанами зоне, Сазонов спешит прибавить, что «императорское правительство рассчитывает впредь на признание за ними полной свободы действий в отмежеванной ему сфере влияния, с предоставлением ему, в частности, права преимущественного развития в этой сфере, его финансовых и экономических начинаний» (7/III 1915 г.).

Правда, здесь не было произнесено магического слова «аннексия», но можно не сомневаться, что именно об этом думал Сазонов, говоря о «полной свободе действий». Как мы видим в первые же месяцы мировой войны Персия была целиком поделена между Англией и Россией. Дальнейшие события показали однако, что поделена была собственно не сама Персия, а лишь карта ее.

III. Персия во время мировой войны и после нее.

1. Военные действия в Персии.

Мировая война необычайно ярко продемонстрировала старинное значение Персии, как цитадели, воздвигнутой самой природой на перепутьи между Ближним и Средним Востоком и охраняющей все доступы к Индии, Турции и Закавказью. Именно поэтому, хотя Персия с самого начала войны объявила нейтралитет, ее территория вплоть до заключения перемирия, не переставала быть театром военных действий. В свете этих фактов мы убеждаемся, что англо-русское окружение Персии преследовало не только экономические или политические выгоды, но и стратегические цели в предвидении неизбежной войны.

Необходимо вкратце рассмотреть военные операции на территории Персии, так как они дают возможность уяснить огромное географо-стратегическое значение ее в системе окружающих государств, значение сохраняемое притом вплоть до настоящего времени.

В «нейтральной» Персии мы находим целых четыре театра военных действий: Азербайджан, Арабистан (или Хузистан), южные провинции и восточная пограничная зона. Операции на первых двух театрах носили главным образом локальный характер.

Персидский Азербайджан в течение ста лет сохранял огромное стратегическое значение, открывая возможность для нанесения флангового удара одинаково в сторону русских и турецких владений. Наличие естественных путей (важнейшим из которых является колесная дорога Ван-Котурский перевал — Тавриз) делают из Азербайджана как бы «переправу» из Закавказья в Турцию. Недаром, как уже отмечалось в предыдущем, уже до начала мировой войны Россия держала в своей оккупации линию Джульфа-Тавриз, а Турция заняла все стратегические подступы к западу от озера Урмия.

С начала мировой войны и до конца ее Азербайджан остался полем ожесточенных столкновений между русскими и турецкими войсками. Главными узлами борьбы естественно были Тавриз и Урмия, несколько раз переходившие из рук в руки. В эту борьбу были втянуты курды и хри-

стиане горцы-айсоры, которых державы Антанты спровоцировали выступить против турок. Не останавливаясь на описании военных операций, укажу лишь, что несмотря на все усилия турок им не удалось на сколько нибудь продолжительное время оккупировать Азербайджан. Вплоть до середины 1917 года их сдерживали русские войска, а также айсоры, остатки которых, спасшиеся от турецкого разгрома, укрепились в Урмии, присоединившись к своим персидским братьям.

Вторым местным театром военных действий являлся юго-западный угол Персии — так наз. Арабистан. Значение этой территории обуславливалось нахождением здесь нефтяных источников, эксплуатируемых для нужд английского флота Англо-Персидской компанией. На следующий же день после объявления войны, перед англичанами встал трудная задача — защиты нефтепровода, который тянется на 150 миль от промыслов, до острова Абадана. Соседние племена, враждебные Англии, систематически перерезали его, еще большей опасностью угрожало наметившееся движение крупных турецких войск. Англичанам пришлось вести здесь упорную борьбу, одновременно заходя туркам в тыл из южной Месопотамии. В результате они оккупировали значительную часть Арабистана (до Ахваза) и сохранили от разрушения нефтепровод и промыслы.

Оба вкратце охарактеризованных театра носили, как мы видим, частный характер, обусловленный местными стратегическими или экономическими условиями. Но Персия, взятая целиком, во все время мировой войны сохраняла для Англии неизмеримо большое значение в качестве плацдарма, на котором могут развернуться операции, направленные против Индии. Перепуганные английские политики видели, как вновь возрождаются смелые планы Наполеона, только исполнителями их являются не французы и не русские, а немцы и союзные с ними турки. Несомненно, что на этот раз опасность, угрожающая Индии не была одной лишь фантазией. К началу мировой войны на восточной границе ее сложилась в высшей степени тревожная обстановка. В Пенджабе бурлило сильное революционное движение, имевшее несомненную связь с Афганистаном. Эмир Хабибула занял в высшей степени двухсмысленную позицию: он, правда, не предпринимал враждебных действий против Индии, но заявлял, что готов выступить, если на его территории окажется хотя бы один турецкий корпус.

Англичане пытаются предотвратить грозную опасность, осуществляя план, не лишенный размаха. Они создают два заслона, один вдоль западной границы Персии

другой вдоль восточной, которые должны целиком изолировать Афганистан от турко-немецкого влияния. Именно с целью создания западного кордона, они предпринимают чрезвычайно тяжелую и дорого стоящую месопотамскую операцию. Правда, первая стадия ее кончилась катастрофой в Кут-эль-Амаре, где ген. Тоунсхенд вынужден был сдаться с двадцатитысячным войском — туркам (апрель 1916 г.). Но хотя это поражение и явилось тягчайшим ударом для англичан за все время войны, поколебав их престиж на Востоке, все же месопотамская операция уже успела выполнить свою историческую роль: возможное наступление турок на Индию было сорвано. К середине 1916 года они уже не располагали теми силами, которые нужны были для огромной операции, так как их пришлось оттянуть на русский фронт, где только что был взят Эрзерум.

Гораздо легче для англичан было поддерживать восточный кордон, северная часть которого охранялась русскими казаками (до Каина). Правда, несмотря на все принятые военно-полицейские меры, немецкой миссии (34 чел.) под начальством кап. Нидермайера удалось все же проникнуть в Афганистан, но их пребывание там не получило особого политического значения. Они были очень хорошо приняты эмиром в Кабуле, но он нуждался не в советниках и инструкторах, а в армии. В результате, после бесплодного пребывания в Афганистане, немецкая миссия принуждена была покинуть его, не достигнув своей цели. После этого было сделано еще несколько попыток прорыва восточного кордона, но все они были ликвидированы англо-русскими отрядами.

Тем не менее англичане не могли чувствовать себя совершенно спокойными. Главный исторический путь, ведущий из равнин Месопотамии на Иранское плато, через Багдад-Керманшах-Хамадан — вплоть до середины 1917 года оставался в руках турок¹⁾. Турецкая армия могла двинуться через эти «ворота Ирана» и, идя по дорогам центральной Персии, достигнуть границ Афганистана. В связи с этим крупное значение получила та партизанская война, которая велась в центральных и южных провинциях Персии (Фарс, Кирман, Иезд и др.). Импровизированные партизанские отряды, состоящие из дезертиров индусов, персов, турок под руководством немецких консулов, раз-

¹⁾ Лишь на короткое время в 1916 году русским войскам удалось оккупировать Керманшах и Исфахан, но после капитуляции Тоунсхенда освобожденные турецкие войска (16000 чел. при 54 орудиях) отбросили их до Султан Булака, где они и оставались прикрывая Тегеран до конца 1915 года.

вили очень интенсивную деятельность. Они нападали на небольшие русские и английские колонии, грабили отделения банков, повсюду сеяли пропаганду и формировали отряды, которые должны были составить военную силу для операций против Индии. Центром деятельности немецких агентов был Шираз, где они основали «комитет защиты персидской независимости»¹⁾.

Чрезвычайно опасную позицию заняла в этот момент— детище англичан—жандармерия. Несомненно, что и шведские инструктора и большинство персидских офицеров стояли на стороне Германии. Они вывезли втихомолку из Бушира миллион патронов и другие военные припасы, находящиеся там уже два года и приняли некоторое участие в партизанской войне. Рассерженные англичане клеймили их «измену», прекратили им выплату жалования и попутно принимали все меры к тому, чтобы переманить их на свою сторону.

К концу 1915 года немецкое влияние почти целиком преобладало во всей южной и центральной Персии. Из 17 отделений Имперского Банка 7 было в руках партизан; они заняли также ряд телеграфных контор и могли инспирировать общественное мнение. Русско-английские колонии в Исфахане, Кирмане и Иезде или бежали или были арестованы²⁾. Несмотря на то, что силы партизан были очень незначительны (около 300 немцев, австрийцев, индусов и около 1000 персов), для англичан создалось на юге Персии чрезвычайно тяжелое положение.

Какова была позиция, занятая среди этих тревожных событий персидским правительством? Как раз накануне мировой войны были произведены выборы в третий меджлис, причем по откровенному признанию «человека с энергичным кулаком» Тоунлея—благодаря принятым мерам «в Тегеране демократический элемент был целиком элиминирован». Во главе правительства в этот момент стоял матерый английский агент Вусуг-уд-Доуле, прославившийся своей фразой, что он придерживается «туманной ориентации», имея ввиду персидскую денежную единицу—туман.

Несмотря на все принятые меры, большинство в новом меджлисе получили демократы, настроенные определенно германофильски. На одном из первых заседаний шах об-

1) Конечно и русские и англичане в зонах своего преобладания практиковали также аресты и высылки турецких и немецких агентов не считаясь с „нейтралитетом“ Персии.

2) Наиболее энергичным и талантливым немецким организатором был бывший консул в Бушире Васмус; он сделал даже попытку захватить Бушир, но англичане отбили его и оккупировали Бушир англо-индийскими отрядами. Энергичным помощником Васмуса был консул Вустров убитый в Тавризе в 1920 г.

явил о сохранении Персией полного нейтралитета, но как мы уже видели логикой вещей последний превратился в чистейшую фикцию.

В мае 1915 года Персию чуть было не удалось втянуть в мировую войну. В Тегеран прибыли с большой помпой германское посольство и австрийская миссия, которые повели ожесточенную агитацию, нашедшую живой отклик среди демократического большинства меджлиса.

Россия и Англия, оценив серьезность момента, приступили к решительным действиям. Как и в 1911 году, русские войска высадились в Энзели, заняли Казвин и угрожали походом на Тегеран. Германская и австрийская миссии покинули последний и обосновались в Куме, откуда они предпринимали вооруженные налеты; за ними последовали некоторые члены кабинета и ряд депутатов меджлиса. Сам шах собирался уйти в Кум, но русские и английские дипломаты, «убедили» его остаться и принять решительные меры против германофилов. Меджлис был распущен (16/XI 1915 г.), после чего остатки демократической партии бежали из Тегерана. Сначала они образовали «комитет защиты родины», а затем временное правительство в Керманшахе. В конце 1915 года русские колонны разбивают австро-германские партизанские отряды и занимают Кашан. Демократическая партия переживает вторичный разгром, причем значительная часть членов ее бежит в Константинополь.

После этого принимаются за работу и англичане. Не ограничиваясь поддержанием двух кордонов, они принимают решение «умиротворить» южные и центральные провинции. С этого момента датируется английская оккупация Персии. Выполнение этой задачи было поручено неоднократно упоминавшемуся Перси Сайксу, который в своей книге оставил подробное описание всех совершенных им походов. Официальной целью его экспедиции было открытие южных торговых дорог, заблокированных партизанскими отрядами, но как признается он сам: «моя колонна охраняла путь в Индию и вызвала неудачу немцев в Афганистане».

Не ограничиваясь чисто военными операциями¹⁾, англичане пытались создать на юге Персии послушную им вооруженную силу, которая пришла бы на смену разложившейся жандармерии. Именно таков был смысл создания бригады южно-персидских стрелков, обошедшейся англичанам чрезвычайно дорого и не оправдавшей возлагаемых

¹⁾ В три года небольшой отряд Севкеса, состоящий из 500 пехотинцев, эскадрона кавалерии и горной батареи покрыл расстояние в 5000 миль.

на нее надежд. Тотчас же после формирования бригады, в ней началась германофильская агитация, питаемая, конечно, теми насилиями, которые русские и англичане производили в Персии. Этой агитации значительно способствовало то обстоятельство, что новый персидский кабинет, сменивший (середина 1917 г.) без лести преданного «англичанам» Вусуг-уд-Доуле, не соглашался признать южно-персидских стрелков. В ответ на ноту англичан, где они взамен признания предлагали финансовую помощь и аннулирование договора 1907 года — тегеранское правительство ответило, что посылка британских войск в южную Персию делает невозможным соблюдение нейтралитета. Среди стрелков усилилось дезертирство, которого не могли остановить английские расстрелы; спустя же короткое время разразился кризис. Часть стрелков, соединившись с сильным племенем кашгаев, окружала со всех сторон отряд Перси Сайкса в Ширазе, угрожая целиком уничтожить его. С большим трудом англичанам удалось разбить своих противников, после чего они ликвидировали сопротивление кашгаев и фактически оккупировали всю южную Персию. К этому времени победы в Месопотамии, где был взят Багдад, казалось, целиком ликвидировали турко-немецкую опасность Индии. В апреле 1917 года английские отряды впервые соприкоснулись в Кизиль Робате с русскими войсками, которые, по словам Сайкса, в течение всей мировой войны «препятствовали Германии, Австрии и Турции приблизиться к границам Индии».

2. Операции англичан в Персии и Закавказьи после Октябрьской революции.

Февральская революция, а еще более идущая за ней гигантской поступью—Октябрьская—совершенно опрокинули все расчеты англичан и вновь создали угрозу Индии. Разложение среди русских частей и стихийный уход их из Персии создали среди английских политиков и военных настроение, где реальность смешивалась с фантастическими опасениями в чудовищный клубок. Им грезился поход турко-немецких войск через пункты, имеющие фатальную инициальную букву Б: Берлин-Баку-Бухару. Здесь к ним должны были присоединиться сто тысяч интернированных в Туркестане австрийцев и немцев и обрушиться огромной лавиной на границы Индии. Не входя подробно в оценку этих опасений, заключающих в себе, повторяю, много фантазии, надо все же признать, что уход русских войск из Персии, открыл новые двери для движения турок на Иран, а именно.— Азербайджан. Как указывает один из

крупнейших английских деятелей этой эпохи ген. Дюнстервиль: «когда после большевистского переворота в ноябре 1917 года, русские войска стали уходить из Северной Персии, то сделалось очевидным, что на правом фланге британской месопотамской армии, образуется брешь на пространстве почти 450 миль, сквозь которые турецкие и немецкие агенты и войска смогут беспрепятственно наводнять Центральную Азию».

При таких условиях возникает план послать в Тифлис британскую военную миссию для реорганизации распавшихся единиц русской, грузинской и армянской армий. Эти последние, а также другие, «здоровые» с английской точки зрения, элементы, вроде айсор, курдов-шекаков и др. — и должны были восстановить фронт против турецкого нашествия. Во главе миссии был поставлен ген. майор Дюнстервиль (январь 1918 г.), к которому было предположено прикомандировать 200 лучших офицеров и столько же солдат, снятых со всех фронтов. К этому кадру были приданы еще «отличные русские офицеры, присланные из Лондона, а также и другие русские беженцы из революционной России». О себе самом Дюнстервиль скромно заявляет: «Мое знание русского языка и симпатии к России, не мало способствовали выполнению порученной мне задачи».

Для того, чтобы понять приключения Дюнстервиля, имеющие характер какого то авантюрного романа, необходимо иметь ввиду огромное значение Закавказья в период 1918 года для мирового империализма. По справедливому указанию тов. Чичерина (сделанному в годовщину советизации Баку), именно Закавказье и особенно нефтеносное Баку представляло в ту эпоху арену, где всего ожесточеннее боролись две империалистические коалиции. В то время, как немцы обосновались в Тифлисе, турки опрокинув бутафорское сопротивление недолговечной Закавказской республики, стремились к захвату Баку, чтобы сделать его базой для своих дальнейших операций в Персии. Однако не надо думать, что Закавказье было единственной ареной, где разыгрывалась грандиозная схватка. События, разыгравшиеся там, несмотря на отсутствие видимой связи, были тесно переплетены с героическим сопротивлением всеми покинутых урмийских айсор, с действиями персидских «лесных братьев» в чащах Гиляна, с операциями англичан в районе Багдада и с предательской работой русских социал-соглашателей в Закаспии. В десятках пунктов разыгрывалась кровавая борьба, ставкой которой являлась будущность английского империализма на Востоке.

Первая попытка Дюнстервиля пробиться в Закавказье окончилась неудачей, благодаря сопротивлению со стороны

военно-революционного комитета в Энзели. Тогда он решил перезимовать в Персии, заполнив своим незначительным отрядом тот прорыв, который образовался после ухода русских войск. Так как выполнить это с несколькими десятками офицеров и солдат было явно невозможно, то Дюнстервиль с большой ловкостью использует те русские белогвардейские отряды, которые «спаслись от разложения» и остались в Персии. После неудачного опыта создания «русско-британского добровольческого корпуса» он приглашает на службу английскому империализму типичного ландскнехта, командира сводных казачьих частей — Бичерахова. После некоторого торга английскому генералу удалось, по его собственному выражению, «соблазнить» последнего и они заключили следующий договор: Бичерахов обязался не выводить своих войск из Персии пока их не сменят английские части; Дюнстервиль взамен оказывал ему финансовую помощь, причем русский наемник давал обещание «не быть корыстолюбивым». Обе стороны честно соблюдали заключенный договор и с наступлением весны и прибытием из Багдада английских войск — отправились в Закавказье.

На пути к Каспийскому морю им надо было преодолеть одно препятствие, — а именно сопротивление гилянских партизанов, «лесных братьев» (дженгелийцев)¹⁾. Эта персидская революционная группа возникла в период жесточайшей реакции в 1912 году, исповедуя лозунг «иттихад-уль-Ислам», (т. е. объединение Ислама). Приняв решение бороться с иностранцами за независимость Персии, члены группы скрывались в гилянских лесах и начали партизанскую борьбу, дав курьезное обещание — не стричь волос пока они не достигнут своей цели. Во главе дженгелийцев вскоре стал бывший молла-мирза-Кучук хан, совмещавший в себе революционную энергию и, честность, с большой долей мистицизма и политической близорукости. Упорная, несмотря на все неудачи, борьба Кучук хана под лозунгом «Персия для персов» и «долой всех иностранцев» — сделали его для широких слоев буржуазии — буквально народным героем. Нужно впрочем указать, что деятельность Кучук хана отличалась исключительно политическим характером и ему были совершенно чужды какие либо социально-реформаторские стремления. В этом заключалась органическая слабость дженгелийцев, также как и всех вообще персидских политических партий.

Во время мировой войны немцы решили использовать его для борьбы против России и с этой целью снабдили

1) От слова „дженгель“ — лес.

винтовками, пулеметами и несколькими инструкторами. Уход русских войск дал Кучук хану возможность значительно усилиться, скупив за бесценок у уходящих частей военное снаряжение. После этого он подчиняет себе весь Гилян, вступив в контакт с военно-революционным комитетом в Энзели.

Совершенно естественно, что Кучук хан не мог не сделать попытки остановить движение русско-английских отрядов к Энзели. Англичане поступили очень осмотрительно: они послали отряд своего наемника Бичерахова проложить дорогу, а сами следовали за ним по пятам. В июне отряды дженгелийцев понесли поражение у Менджильских высот и принуждены были пропустить отряды Бичерахова и Дюнстервиля. Несколько позже они сделали новую попытку атаковать англичан в Реште, но были отбиты, после чего заключили мирный договор с Дюнстервилем и, получив «субсидию», даже начали его снабжать рисом.

Следующим препятствием, которое пришлось преодолеть Дюнстервилю, явилось советская власть в Баку. Бичерахов тут не мог или не хотел помочь своему нанимателю: он прикинулся сторонником советской власти, в течение короткого времени сражался против наступающих турок, а затем оттянул свой отряд к Дербенту, обнажив оборонительную линию Баку.

Чтобы свергнуть ненавистных большевиков, Дюнстервиль применил излюбленный метод английских империалистов: он вошел в секретное соглашение с бакинскими соглашательскими партиями (гл. образом с эс-эрами) и обязался взамен свержения советской власти оборонять Баку от турок. «Я неоднократно вел переговоры с представителями партии С.-Р. — признается генерал, — программа которых гораздо больше соответствует нашим целям и по своему существу она созидательна, тогда как программа Советской власти чисто разрушительна. Они хотят нашей помощи, особенно финансовой».

Советская власть в Баку в это время изнемогала, героически борясь в течение 4 месяцев (с марта 1918 г.) против натиска турок и всех соглашательских партий. Наличие жесточайших национальных антагонизмов, отсутствие достаточных партийных кадров и полная невозможность в условиях войны и голода провести серьезные социально-экономические мероприятия, обусловили ее падение. Логическим следствием этого было водворение так наз. «диктатуры Центрокаспия» (из эс-эров, дашнаков и др.) и убийство 26 бакинских комиссаров во главе со Степаном Шаумяном, по приказу английского командования. Характерно, что Дюнстервиль в своих «Воспоминаниях» тщательно

замалчивает этот эпизод и, грубо извращая факты, указывает лишь, что комиссары были «отпущены на свободу» и отправились в Красноводск; «к несчастью для них, в то время большевики были очень непопулярны в этом городе и вся их партия была расстреляна».

Когда руками соглашателей поле деятельности было расчищено — Дюнстервиль обосновался со своим штабом в Баку. Скоро выяснилось, что все векселя, которые он дал создателям Центрокаспия — оказались бронзовыми: он смог перекинуть в Баку лишь немногим больше 1000 солдат с 16-ю орудиями и незначительным количеством технического материала. Этих сил было явно недостаточно для обороны города от 15-ти тысячной турецкой армии, но англичане никогда об этом всерьез и не думали. Сокровенной целью их бакинской операции было ниспровержение советской власти и приостановка турецкого наступления до момента, когда окрепнет английский фронт в северо-западной Персии. Когда обе эти задачи были достигнуты, Дюнстервиль просто на просто удрал ночью из Баку на двух украденных пароходах, оставив город в жертву туркам, которые по взятии его не преминули устроить грандиозный армянский погром. Лишь накануне его бегства открылись глаза у диктаторов из Центрокаспия и они в письме к Дюнстервилю обвиняли его в том, что союз с ним привел к полному разрыву с властью российских большевиков, которые обещали создать в Баку коалиционное правительство и оказать самую деятельную поддержку в борьбе против турок, но «при условии, что английские войска уйдут из Баку и его районов».

Эти обвинения и lamentации, впрочем, были более чем запоздалыми и к тому же направлены не по адресу, так как английский то генерал прекрасно знал, что он делает.

Та же судьба, что Баку, постигла и несчастных айсор в течение 3-х месяцев сдерживавших напор турок на Урмию. Англичане обещали им, понятно, помощь, но когда отряд их пробился к тому месту, где должны были находиться английские отряды и снаряжение, там не оказалось никого и ничего. После этого началось массовое паническое бегство айсор на юг, во время которого половина их (5000 человек) была истреблена турками и курдами.

Как мы видим, ценой денег, предательства и чужой крови — англичанам удалось сохранить в целостности западный персидский кордон. Точно такую же тактику проводили они и для поддержания восточного кордона. Защита его была значительно облегчена тем, что во время войны они отстроили жел. дорогу от Нушки до Дуздаба на персидской территории, откуда провели автомобильную дорогу на

Мешхед. Опасным, с точки зрения англичан, являлся лишь северный участок кордона, где ему угрожала ненавистная советская власть туркестанских большевиков. С целью ликвидировать эту опасность, в Закаспий была послана миссия генерала Малессона, палача 26 комиссаров, совершенно аналогичная с миссией Дюнстервиля.

Малессон, как и его бакинский коллега, вызвал падение советской власти в Закаспии руками послушных эс-эров и меньшевиков. После этого он подчинил своему контролю Красноводск и западный участок среднеазиатской жел. дороги, каковое положение вещей и продолжалось вплоть до 1919 года, когда его миссия была отозвана в Индию.

Наконец, третий «герой» английского империализма той эпохи командор Норрис, на короткое время целиком подчинил Англии Каспийское море, единственное, по живописному выражению Дюнстервиля, «не вспаханное британским флотом». Практикуя самое беззастенчивое пиратство, Норрис делал набеги на Баку, захватил часть каспийского флота, разрушил советскую морскую базу в Ашурада и т. п., что не мешает Сайксу утверждать, что он «вписал блестящую страницу в историю британских морских достижений».

С колоссальным напряжением сил, как мы видим, Англии все же до конца войны удалось сохранить свою Индийскую империю от угрожающей ей опасности.

3. Апогей британского влияния и упадок его.

Первые месяцы после окончания войны означали высшую точку английского влияния в Персии. Почти вся страна от Каспийского моря и до Персидского залива — была оккупирована англо-индийскими отрядами. Персидская делегация не была допущена на мирную конференцию, но за то задачу оформления политического положения Персии взяла на себя Англия.

В августе 1919 года один из крупнейших деятелей английского империализма на Востоке Перси Кокс — заключает знаменитое англо-персидское соглашение, превратившее Персию буквально в вассальное государство. В силу этого соглашения, Англия монопольно предоставляла в распоряжение персидского правительства всех необходимых экспертов, советников, инструкторов для армии и пр. (параг. 2); назначалась смешанная комиссия военных экспертов для создания единообразной армейской силы, причем Англия монопольно снабжала ее всеми необходимыми припасами (пар. 3). Для осуществления означенных реформ, она предоставляла Персии заем (последующим соглашением опреде-

ленный в 20 мил. рублей), причем до ратификации соглашения в счет займа обязалась выдавать субсидии (пар. 4). Железно-дорожное строительство и вообще создание всех видов транспорта осуществлялось путем англо-персидской кооперации (пар. 5), наконец, назначалась комиссия для пересмотра действующих тарифов (§ 6)¹⁾.

Как легко увидеть, соглашение 1919 года подчиняло почти открытому контролю Англии: персидскую армию, финансы, ж. д. строительство и таможенную политику.

Соглашение это так же как и похожий на него по духу пресловутый Севрский договор, никогда не получило практического осуществления. Была организована лишь военная комиссия, которая определила численность будущей армии в 60.000 чел. и проектировала учредить высший военный совет, возглавляемый англичанином при начальнике штаба персе. Тем не менее договор этот сыграл, как мы увидим в дальнейшем, весьма значительную в последующей политической жизни Персии роль, являясь ярчайшим воплощением английских империалистических стремлений.

В начале 1920 года происходит событие, которое точно карточный домик, ниспровергает все планы, всю военно-дипломатическую работу англичан — это была советизация Баку (28/IV 1920 г.) и последовавшее за ней — образование Азербайджанской Советской Социалистической Республики (АССР). Впервые после почти 3 лет, Персия очутилась в контакте с Россией, но теперь уже с Россией советской, не преследующей никаких колониальных планов и, наоборот, содействующей освобождению от империализма всех восточных народов.

И раньше несмотря на то, что Персия была целиком изолирована от Советской России, последняя оказывала на народные массы ее мощное революционное воздействие. Уже через пять дней после Октябрьской революции было опубликовано воззвание ко всем мусульманским народам России, сыгравшее крупную агитационную роль. В 1918 г. С. Шаумяну, как чрезвычайному комиссару советского правительства в Закавказьи, было предложено послать представителя в Персию. Таковым был назначен тов. Коломийцев, который, в результате самоотверженной революционно-дипломатической работы, был убит в 1919 г. русскими белогвардейцами по наущению англичан. Наконец, 1919 г. тов. Карахан опубликовал ноту с изложением анти-империалистических основ советской политики в Персии. Все эти

¹⁾ В дальнейших переговорах Англия обязалась компенсировать Персии убытки, причиненные военными действиями, содействовать исправлению ее границ и не требовать возмещения за содержание своих войск на юге.

Вусуг Эд-Доуле.

акты Советской власти, повторяю, сыграли огромную роль в деле пробуждения народных масс и установления их симпатии к новой России.

Образование в Закавказьи, этой цитадели царизма, первой советской мусульманской республики, конечно, не могло не вызвать среди широких масс тяги к сближению с советской Россией.

Этому способствовали впрочем не только политические обстоятельства, но и чисто экономические факторы. Насильственная изоляция Персии от русского рынка, вызвала сильнейший экономический кризис в ее северных провинциях. Последние, как уже выше отмечалось, имели в течение ста лет сбыт для своей сельско-хозяйственной продукции исключительно в Россию. Англичане, заменившие последнюю на персидском рынке, совершенно не нуждались в персидских сушеных фруктах, рисе, хлопке, мерлушке и т. п. В то же время благодаря дороговизне фрахта от английских экспортных баз к северным провинциям Персии, населению приходилось сильно переплачивать на тех товарах, которые раньше шли из России.

Не находя выхода для своего экспорта, народное хозяйство наиболее богатых провинций переживает жесточайший кризис. В ряде мест происходит переход от ценных культур (хлопок, фруктовые деревья) к малоценным (злаки), путем уничтожения плантаций, вырубки садов и т. п. для приспособления их под пашню.

Вполне понятно, что чисто экономический импульс, в соединении с политическим, властно толкал персидское правительство на сближение с Советской Россией. Даже наиболее сервилистическая фигура во всей Персии, вернейший агент англичан Вусуг-уд-Доуле — не мог противостоять этой осознанной широкими массами необходимости. Почти тотчас же после советизации Баку, он объявляет о признании АССР и предлагает немедленно установить дипломатические и торговые сношения, а также почтово-телеграфные связи.

Вскоре призошли новые крупные события, вызвавшие радикальный перелом в политике тегеранского правительства и поколебавшие положение англичан.

18 мая 1920 года каспийский флот, под командой тов. Раскольникова, внезапно появился перед Энзели, бомбардировал находившийся там английский оккупационный отряд и заставил вернуть интернированный англичанами деникинский флот (15 судов), а также огромное военное имущество. После взятия Энзели, англичанам было позволено свободно уйти из него, чем они и воспользовались, при чем,

по словам тов. Раскольниковца, так торопились, что «бегом бросились по дороге (в Решт), царапая себе голые колени о колючки, растущие по краям». Этот момент мы можем считать началом эвакуации английскими войсками Персии.

Появление в Энзели красных войск вновь оживило дженгелийское движение. Возвращаясь назад, необходимо указать, что после заключения мира с Дюнстервилем Кучук хан, в течение девяти месяцев полновластно управлял Гилян и, что любопытно, все свои приказы он публиковал от имени шаха. За год до советизации Баку, тегеранское правительство решило покончить с Кучук ханом: в Гилян была послана значительная часть казачьей дивизии, которая и загнала дженгелийцев вновь в леса. Отчаявшись в возможности дальнейшего сопротивления Кучук хан вступил в переговоры с шахским правительством, которое шло на значительные уступки. Смелый рейд каспийского флота — разом разрушил налаживающееся соглашение. Опираясь на революционную поддержку АССР, в Гиляне образовалось временное правительство и Реввоенсовет Иранской республики, которые вступили в борьбу с шахским правительством (июнь 1920 г.). Короткое время спустя соорганизовалась Иранская коммунистическая партия (Адалет), которая приняла деятельное участие в гилянском революционном движении.

Столкновения между Иранской коммунистической партией и буржуазным революционером и патриотом Кучук ханом были неизбежны. Взаимное непонимание и ошибки с обеих сторон вызвали разрыв и уход Кучук хана и большей части временного правительства в дженгель. После этого состоялось провозглашение социалистической Иранской республики, правительство которой было составлено из членов И. К. П. Опираясь на помощь прибывших из Баку персидских добровольцев (муштехидов), оно предприняло наступление на Казвин (в августе). Последнее не удалось, после чего Решт несколько раз переходил от красных войск к казакам и обратно.

Гилянское революционное движение вызвало панический ужас в Тегеране. Был момент, когда англичане советовали даже перенести столицу в Исфахан. Англофильский кабинет Вусуг-уд-Доуле пал и был заменен умеренно-демократическим. Замечу всквозь, что этот кабинет, продержавшийся около 2 лет, был самым долговечным; до него за 12 лет конституции в Персии сменилось 38 кабинетов...

Наспех были проведены некоторые реформы напр., частично отменена система откупов, состоялось об'явление созыва Меджлиса, но самое главное — реализация англо-персидского соглашения была приостановлена и в Москву

отправился чрезвычайный посол (Мошавер уль Мамелик) для заключения мирного договора.

Английская политика в Азии переживает глубочайший кризис; после недавних блестящих успехов 1918—1920 г. г., когда у ног английского империализма лежали Турция, Закавказье, Закаспий и Иран — начинается его стремительный упадок. Сам руководитель британской внешней политики Керзон вынужден был констатировать, что «расширение Британской Империи в Центральной Азии пришло к концу. Наши функции будут заключаться теперь в установлении гарантий безопасности и в создании тихих островов в бурном океане» (октябрь 1920 г.).

При наличии глубочайшего перелома в народных массах Персии, благодаря революционизирующему примеру Советской России, Англии приходится отказаться от прежних открыто насильственных, колониальных методов. Конечно, этот поворот в английской политике наступил не сразу. Некоторое время англичане пытаются по-прежнему практиковать угрозы и карательные меры. Так они требуют удаления из казачьей бригады русских офицеров (заподозренных в сочувствии гиланским революционерам) и замены их английскими инструкторами. Затем они посылают новый ультиматум, требующий ратификации соглашения 1919 года, угрожая в противном случае прекращением выдачи авансов, закрытием шах-ин-шахского банка и выводом всех войск.

Однако, эта вызывающая политика терпит полный крах. Чрезвычайный верховный совет, состоящий из шахской фамилии и нотаблей, созванный для обсуждения вопроса о ратификации соглашения, высказался за передачу таковой Меджлису. Конечно и для англичан и для персов было совершенно ясно, что это означает безповоротное отклонение соглашения. При таких условиях англичанам приходилось продолжать эвакуацию своих войск из Северной Персии (в январе был очищен Кучан и Мешхед) и переходить к новой, более приспособленной к обстоятельствам тактике.

Последняя заключалась главным образом в финансовой «обработке» влиятельных политиков и в постоянном натравливании правительства против советской России. Система подкупов практиковалась в самых широких размерах. Один из британских «советников» — Д. Бальфур¹⁾ в

¹⁾ Главный помощник Эрмитадж Смита, приглашенного в начале 1910 г. для улучшения финансов страны. После аннулирования соглашения 1919 года он ушел в отставку и был заменен американским советником Мильспо.

своей книге откровенно признается, что «в дополнение к военной интервенции, британское правительство прибегало к интенсивной системе субсидий и подачек, которые широко раздавались под разными именами». Производились все эти расходы, впрочем, в значительной степени за счет самой Персии, так как шах-ин-шахский банк невероятно спекулировал на валютных операциях, в особенности при платежах Англо-Персидской Нефтяной Компании.

Ведя одновременно, как указывалось выше, ожесточенную борьбу против Р. С. Ф. С. Р., англичане внушили правительству не пропускать первого посла ее тов. Ротштейна, пока русские войска не будут выведены из Гиляна. НКИД вполне резонно, впрочем, отвечал, что единственным препятствием для этого является наличие английских войск на территории Персии¹). Несмотря на все эти закулисные махинации 26/II 1921 г. был заключен русско-персидский договор, открывающий новую эру в отношениях между обоими странами. Согласно договора: уничтожаются все соглашения и концессии, заключенные царским правительством, однако (и это очень существенно), без права передачи их третьей державе; персидскому народу передавались: шоссейные и железные дороги, пристани, суда (на озере Урмия), телеграфы, телефоны и ценности Учетно-Ссудного Банка; Персия получила право иметь флот на Каспийском море. По очень важному параграфу (6) в случае, если третья держава сделает Персию базой для нападения против России, и если персидское правительство окажется бессильным помешать этому, то «Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры».

После заключения русско-персидского договора основной проблемой отношений между обоими странами, явилась реализация его. Как мы увидим в дальнейшем, благодаря провокационной работе англичан, опиравшихся на туземные реакционные круги, реализация договора встретила много затруднений и потребовала весьма продолжительной борьбы.

4. Борьба англичан против РСФСР.

Заключение русско-персидского договора не случайно совпало с радикальным сдвигом во внутренней политической жизни Персии.

21 февраля 1921 года Зия-эд-Дин Теба Тебаи совершает государственный переворот, который, по правильно-

¹) В апреле 1921 г. тов Ротштейн прибыл в Тегеран.

Зия Эд-Дин Тебя Тебаи.

му замечанию тов. Пастухова, составляет поворотный пункт в ее послевоенной истории. Внешняя история этого переворота такова: совершенно внезапно на Тегеран движутся казачьи части, под командой молодого офицера Риза-хана, арестуют около двухсот видных сановников и крупных магнатов, разгоняют наиболее непопулярные министерства финансов и юстиции и ставят у власти кабинет Зия-эд-Дина, который незадолго до этого в целях устройства *coup d'état* организовал в столице так называемый «железный (ахен) комитет». Новое правительство налагает на арестованных крупную контрибуцию, главным образом для уплаты жалования казакам, и обращается к населению с чрезвычайно эффективной и ультрарадикальной декларацией. Оно обещает передачу государственных земель—крестьянам, создание национальной армии, реформу обложения, уничтожение капитуляций и т. п. Самое же главное, декларация заявляет об аннулировании англо-персидского договора 1919 года.

Несмотря на последнее обстоятельство в совершенном перевороте чувствовался определенный английский привкус. Прежде всего сам Зия-эд-Дин в прошлом был известен, как редактор определенно англофильской газеты Риад и как один из творцов соглашения 1919 года. Будучи в 1920 году представителем Персии в Закавказьи, он издал даже брошюру, которую достаточно характеризует самое название ее «Англо-персидский договор или новая эпоха в жизни Персии». Бросалось в глаза и то обстоятельство, что инструкторами казаков, которые произвели переворот являлись английские офицеры.

Разгадка этого кажущегося противоречия не особенно трудна. Как уже отмечалось, в результате упадка своего влияния в Персии, Англия уже не могла проводить прежнюю насильственно-колониальную политику. Главным препятствием на пути к «смене вех» оставался договор 1919 года, ставший совершенно антикварным документом, который надо было поскорее и без особого шума, неизбежного при обсуждении его в Меджлисе, ликвидировать. Эта роль и была поручена испытанному другу Англии Зия-эд-Дину, сыгравшему таким образом роль политического «мавра». Также просто объясняется и казовый радикализм нового правительства. После краха конституционного движения, власть перешла в руки реакционного помещичье-дворянского класса и рекрутируемой из его рядов бюрократии. Исходя из своих чисто классовых интересов, эти слои были всегда послушным орудием сначала в руках царской России, а затем еще более того Англии. Благодаря все усиливающемуся влиянию, которое Советская Россия произво-

дила на широкие массы населения, и в особенности на ожидающую после долгой спячки буржуазию, для Англии становился неудобен открытый союз с этим непримиримо реакционным классом. С обычным оппортунизмом она была готова продемонстрировать свой всегдашний радикализм, полное сочувствие к нужным реформам, свое внимательное отношение к общественному мнению. Для этой цели ей был чрезвычайно удобен «персидский фашизм» Зия-эд-Дина, с его радикальной демагогией и глубоко реакционной сущностью.

Всякий фашизм чрезвычайно энергичен главным образом в сфере внешних отношений, для Англии же персидский фашизм был чрезвычайно удобен в ее непримиримой борьбе против Советской России. Действительно мы видим, как кабинет Зия-эд-Дина ведет резко агрессивную политику по отношению к Р. С. Ф. С. Р., задерживая ратификацию русско-персидского соглашения, хищнически захватывая бывшее русское имущество и т. п.

В примитивных условиях Персии фашистский кабинет Зия-эд-Дина не мог долго продержаться, имея на своей стороне лишь казаков, в своей массе не имеющих ничего общего с «чернорубашечниками» Муссолини и настроенных враждебно к англичанам. На этой почве вскоре после переворота возникли трения между премьером и Риза ханом, который, имея в своем распоряжении несколько тысяч казаков, фактически являлся диктатором. К этому присоединились трения с Р. С. Ф. С. Р., весьма быстро разгадавшей план англичан, в результате чего Зия-эд-Дин скоро принужден был бежать к своим английским друзьям в Багдад. Как мы видим, англичане в данном случае политически просчитались. Все следующие кабинеты при всех своих часто неуловимых оттенках вплоть до 1923 года, впрочем представляли интересы только помещичье-дворянского класса, на который всегда опирались англичане. Неудивительно потому, что все эти Каввамы, Муширы и др. постоянно сменявшие друг друга в обычной для Персии министерской чехарде, вели такую же агрессивную политику против Р.С.Ф.С.Р., может быть лишь не в такой открытой фашистской форме, как это вел Зия-эд-Дин. Бесконечные осложнения из-за пограничных вопросов, препятствия торговым сношениям, демагогическая агитация против «большевизма», «реставрации царистских притязаний» и т. п., таковы были наиболее характерные факты русско-персидских отношений.

Попутно с этим, но в чрезвычайно бережной форме, ликвидировались анахронистические остатки бывшего английского влияния: а именно британские инструктора и со-

ветники, южно-персидские стрелки и т. п.¹⁾). Ведя систематическую кампанию против Р. С. Ф. С. Р. тегеранское правительство очень ловко использовало те неизбежные трения, которыми сопровождалось возобновление торговых связей между двумя странами. Как мы уже указывали, Англия всегда очень мало была заинтересована в Персидском экспорте. В 1922-23 г. г. ввоз ее в Персию составлял 67,0% всего товарооборота страны, вывоз же из Персии лишь 34,1%, т. е. вдвое меньше.

Внезапный спрос на персидское сырье со стороны Р. С. Ф. С. Р. естественно повлек молниеносный под'ем цен, что вызвало дороговизну на такие продукты первой необходимости, как рис и пшеница.

После того, как правительство запретило вывоз этих продуктов, последовало разорительное понижение цен. В обоих случаях правительство через своих агентов обвиняло Россию и в особенности непонятный для персидского купечества аппарат Внешней Торговли. Лишь после того, как Р. С. Ф. С. Р. предоставило особые льготы персидскому купечеству (торговля без лицензий), организовало смешанные русско-персидские общества, облегчила им участие на Нижегородской и Бакинской ярмарках и т. п., торговые отношения начали входить в нормальное русло.

Не менее острые трения происходили по тарифным вопросам. В 1920 году персидское правительство без санкции Меджлиса и согласия заинтересованных держав, ввело новый тариф, явно направленный в пользу англичан. Так, например, тарифные ставки на предметы русского ввоза были неимоверно повышены (на сахар — на 1200%, керосин свыше 1000% и т. д.), наоборот для объектов английского импорта они были значительно понижены (напр. чай на 40% и т. д.). Тегеранское правительство делало неоднократные попытки навязать Р. С. Ф. С. Р. новый тариф, и лишь после ответных репрессивных мер с ее стороны, восстановило старый военный тариф.

Несмотря на всю ожесточенную борьбу, которую англичане вели руками своих тегеранских клиентов в течение 4 лет против Р.С.Ф.С.Р. — логика экономических факторов, оказалась сильнее всякого политиканства, как бы последнее не проводилось. В декабре 1921 года состоялась ратификация русско-персидского договора, а в июле 1924 г. был заключен между ними торговый договор. Эти два акта явились теми краеугольными камнями, на которых зиждятся мирные и проникнутые чувством дружбы сношения между Р. С. Ф. С. Р. и Персией.

¹⁾ Полная эвакуация Персии была завершена англичанами уже к середине 1921 года.

5. Кристаллизация политической борьбы.

Переворот Зия-эд-Дина в значительной степени содействовал кристаллизации политической борьбы и политических группировок в Персии. После мировой войны старая аморфная «демократическая» партия пережила раскол и разбилась на несколько группировок, которые сливаясь и отделяясь образовали все новые и новые комбинации. Не входя здесь в подробности, укажу лишь, что под разными наименованиями (тешкили, задде тешкили, независимые, соц. демократы и т. п.) здесь продолжали существовать две основные группировки: «умеренные демократы» (Носрет-уд-Доуле, Зия-эд-Дин, Вусуг-уд-Доуле и др.) и левые демократы (Сулейман-мирза и др.).

В середине 1921 года открывается 4-ый Меджлис; так как выборы в него производились еще при кабинете Вусуга, то как и надо было ожидать большинство в нем оказалось англофильское. Это большинство представляло из себя впрочем мало дифференцированную массу, покорно шедшую за правительством. В 1922 году в недрах Меджлиса образовался из различных прогрессивных элементов так называемый «прогрессивный блок», который благодаря своей инициативе — начал руководить политической жизнью страны. Программа его сводилась к сотрудничеству с Россией, централизации Персии, созданию национальной армии и упорядочению фименов. Национальный блок представлял из себя группировку прогрессивной буржуазии, которая, таким образом, впервые пыталась обособиться от «демократов» из лагеря помещиков и бюрократов и реализовать свою политическую программу.

Воплотителем идей прогрессивной буржуазии явился Риза хан, выдвинутый переворотом Зия-эд-Дина сначала в командиры казачьей дивизии, а затем в военные министры, оставшегося притом на своем посту при смене всех кабинетов.

Важнейшей реформой, выполненной этим «персидским Муссолини», как совершенно ошибочно прозвали Риза хана на Западе, было создание регулярной армии. Он уничтожил прежнее пестрое многообразие и из отдельных воинских единиц (казаки, южные стрелки и т. п.) создал в короткое время единообразное войско (хошун), состоящее из 30.000 человек. Вся страна была разделена на 6 округов, в главных городах которых учреждались штабы дивизии. Дальнейшие планы проектировали распространение на все население воинской повинности.

С помощью этой вновь выкованной национальной силы, Риза хан начал выполнять историческую задачу — цен-

Риза-хан.

трализацию всех областей Персии, до того почти не связанных с центром и сплошь и рядом живущих (особенно на окраинах) под властью племенных или полуфеодальных вождей. Эта сторона деятельности Риза хана будет рассмотрена в следующей главе.

Реформаторский пыл и крутые меры, практикуемые Риза ханом, создавали для него постоянные трения с кабинетами и с меджлисом. В особенности отталкивало правительство постоянное вмешательство военных властей на местах в административные дела. Действительно штабы дивизий часто играли роль органов управлений; за ними были закреплены некоторые доходы, начальники штабов часто назначались Риза ханом военными губернаторами и т. п.

Тяготясь этой оппозицией, Риза хан при выборах в 5-ый Меджлис решил создать свое парламентское большинство. Несмотря на все принятые меры, на вмешательство военных властей в выборы, на прямое давление на избирателей, новый состав Меджлиса не оправдал ожиданий Риза хана. Выяснилось, что ряд лидеров национального блока (в роде Мустофи уль Мамелика)—перешли в лагерь реакционеров, группа же до конца поддерживающая его составляла из двух-трех десятков депутатов.

Еще до открытия Меджлиса (11/II 1923 г.) Риза хан заставил шаха назначать его премьером, после чего, желая развязать себе руки на пути к диктатуре — он настоял на отъезде шаха за границу, вырвав у наследника (валиагда) обещание не вмешиваться в политическую жизнь.

Открытие Меджлиса произошло в обстановке ожесточенной агитации за превращение Персии в республику, руководимой сторонниками Риза хана из рядов прогрессивной буржуазии и интеллигенции. В Меджлисе этот вопрос вызвал страстные прения, но помещичье-монархическое большинство признало себя неправомочным разрешить этот вопрос. Даже в республиканских кругах произошел раскол по вопросу о том вводить ли республиканский строй немедленно или подождать до решения учредительного собрания и референдума. Провал республиканской агитации временно пошатнул положение Риза хана. Осмелевшие реакционные элементы тотчас же использовали это положение. Большинство законопроектов после распада правительства — бесконечно оттягивалось; шаху была послана телеграмма, приглашающая его возвратиться, на что он впрочем не согласился; реакционное духовенство подняло религиозную травлю бехаистов и других «неправоверных». Убийство нафанатизированной толпой американского консула Имбри, отразившееся на междуна-

родном положении Персии, положило конец дальнейшему развитию реакции.

В огромной степени укрепило положение Риза хана его победа над мятежным шейхом Хузистана Хазалем (к 1924 г.) и объединение этой области фактически, а не юридически как раньше, с остальной Персией. Следствие, которое было назначено после подавления мятежа, доказало тесную связь Хазала с шахом и придворной кликой. Воспользовавшись этим Риза хан заявил о невозможности для него сотрудничать дальше с шахом и добился того (февр. 1925 г.), что Меджлис назначил его верховным главнокомандующим с неограниченными полномочиями.

Итак мы видим, что в Персии в настоящее время установилась диктатура Риза хана, воплощающая программу прогрессивной буржуазии. Особенно ярко это сказывается в тех мерах, которые систематически проводит правительство для развития туземной промышленности. Так, предписывается, чтобы учащиеся и чиновники носили платье из тканей местного производства; запрещается ввоз анилиновых красок, которые, как известно, подрывают старинную ковровую промышленность и т. п. Осенью 1923 г. правительство организовало в Тегеране первую персидскую промышленную выставку.

В результате этих мероприятий и, конечно, общего экономического подъема — мы видим, как наряду с буржуазией купеческой, впервые нарождается буржуазия промышленная. Создается целый ряд компаний, персидские промышленники берут у государства те или иные концессии и т. п. Очень большие перспективы открывают в этом отношении нефть северной Персии. Как известно вокруг нее идет борьба нефтяных гигантов: Standard Oil, Англо-Персидской Ко и Компании Синклера, ни с одной из которых еще не заключено окончательного соглашения. Для нас здесь важно отметить, что сдавая в концессию нефть 4-х северных провинций, правительство сохраняет пятую провинцию исключительно для эксплуатации туземным, персидским капиталом. Образовалась даже соответствующая компания, в которую входит, между прочим, и сам Риза хан, но капиталы ее очень невелики, а добыча нефти требует огромных ресурсов. Наконец, необходимо отметить, что и там, где предположено дать концессию, правительство обуславливает для своих граждан право покупки 30% акций предприятий по эксплуатации нефти.

Если мы подытожим все сказанное, мы убедимся, что в Персии действительно происходит кристаллизация социальных сил, причем наиболее важным фактом является общий рост персидской буржуазии и ее намечающийся при-

ход к власти на смену классу помещиков, с примыкающими слоями клерикалов и старой бюрократии.

6. Централизация Персии.

Одной из наиболее важных черт, свойственных истории Персии решительно на всем ее протяжении — является, безусловно, исторически сложившийся сепаратизм ее окраин. До некоторой степени это объясняется гео-этнографическими причинами. В то время как северные провинции и оазисы юга населены земледельческим ирано-тюркским населением, мощный горный бруствер, опоясывающий по краям весь Иран — населен полуоседлыми горцами или номадами скотоводами. На юге, мы находим разбойничьи племена белуджей и арабов, которые за последние 20 лет, требуя воды и пастбищ, все более и более оттесняют земледельческое население вглубь страны. На западной окраине горные хребты населены бахтиарами, лурами, курдами и шахсаванами; наконец, восточную «марку» Иранского плато населяют те же курды и полудикие туркмены (салоры). Все эти племена находятся естественно на чрезвычайно низкой ступени социального развития. Среди них сохранилась патриархальная власть племенных вождей или же феодальная власть ханов, давно исчезнувшая в остальной Персии. Совершенно естественно, что эти вожди всегда необычайно ревниво оберегали свое полунезависимое существование от всех централистских тенденций тегеранского правительства. В этой борьбе их охотно поддерживали управляемые ими племена, опасавшиеся, что в случае фактического присоединения в остальной Персии, они принуждены будут платить налоги и давать воинские контингенты. В результате, большинство окраинных территорий Персии вплоть до конституционного движения жили оторванно от центра, и принудительная связь с последним поддерживалась лишь путем посылки карательных экспедиций. Движение 1906—8 г. г., последовавшая контр-революция, в которой главным образом участвовали эти же племена, спровоцированные русскими и англичанами, наконец, мировая война — все это окончательно расшатало государственный организм Персии и способствовало почти полному политическому обособлению ряда окраин. Так влиятельный шейх Хузистана Хазаль — в течение двадцати пяти лет не платил никаких налогов, и, находясь «под особым покровительством» Англии — превратился почти в независимого монарха.

На другом конце Персии, на севере сердар Макинский имел собственный двор, войско и в период английской интервенции на Ближнем Востоке (1918—1920 г. г.) вел само-

стоятельные дипломатические сношения с Турцией, дашнакской Арменией и др.

Наряду с этим сепаратизмом племен и феодалов, мы наблюдаем в Персии и сепаратизм провинций, коренящийся в факторах чисто-экономического порядка. Как уже отмечалось, северные провинции, благодаря многовековым торговым связям и своим естественным ресурсам, были гораздо более развиты, нежели центральные или южные области Персии. Вместе с тем и Азербайджан и прикаспийские провинции были насильственно прикованы к Тегерану, ведущему резко реакционную политику, находящуюся в противоречии с жизненными интересами этих областей. Неудивительно, что именно последние являлись очагами революционного движения, а когда последнее было задушено державами, то стали стремиться к политическому сепаратизму и к федеральной связи с остальной частью Персии. Оба эти процесса отнюдь не надо смешивать, так как они совершенно различны по своей природе. В то время, как сепаратизм провинций на известной стадии развития Персии являлся прогрессивным фактором, подрывая господство реакции в центре, сепаратизм племен и феодалов служил прекрасным рычагом в руках Англии в ее борьбе против внутреннего укрепления страны.

В 1920 году, в последний год англо-персидской реакционной диктатуры — мы видим стихийное сепаратистское движение окраин. В Тавризе знамя восстания поднимает Хиабани, старый демократ, вынужденный эмигрировать в Турцию во время торжества реакции. В начале 1920 года он образует в Тавризе партию теджедюд («обновление»), резко восставшую против религиозного фанатизма и стоящую за полное государственное переустройство Персии. Имея вооруженную силу в 800 человек, они превращают Азербайджан в «Азадистан», т. е. в «страну свободы» и в течение 9-ти месяцев отстаивают его от натиска шахских войск. Восстание это было жестоко подавлено, причем сам Хиабани был убит¹⁾.

Вторым центром движения оставался Гилян. В январе 1921 года там происходит реконструкция власти. Три революционные партии: 1) национал-демократы (Кучук хан), 2) адалет (Гайдар хан) и нац. социалисты (Эсханула) заключают соглашение и избирают общий ревком. Однако гиланское движение к этому моменту в значительной сте-

¹⁾ В январе 1922 г. жандармский офицер Лахути во главе 1000 жандармов занял Тавриз требуя: а) уплаты жадованья, б) удаления Риза хана и т. п. Через несколько дней, после 16-ти часового боя Тавриз был взят правительственными войсками, причем Лахути и 150 чел. удалось бежать.

пени потеряло свою прежнюю идеологическую базу. Главный лозунг дженгелийцев — «долой иностранцев» — звучал уже анахронизмом после эвакуации Персии англичанами и упадка их влияния. В результате мы видим ряд столкновений среди Гилянского Ревкома, приводящих к взаимным расправам и полному разложению всего движения. Движение Эсханулы через Мазандеран на Тегеран — окончилось полной неудачей, один из членов Ревкома Хали Курбан перешел на сторону шахских войск, после чего они разбили Кучук хана и полностью ликвидировали гилянское движение (ноябрь 1921 г.). Сам Кучук хан был убит и голова его послана в Тегеран. После этого в Гиляне происходят лишь незначительные вспышки, не имеющие уже серьезного значения.

После краха переворота Зия-эд-Дина и усиления положения Р.С.Ф.С.Р., — Англия создает план образования южной федерации племен (бахтиары, Хазаль), конечно под своим политическим контролем. Известный английский делец кап. Ноэль совершенно откровенно разоблачает эти планы британского империализма. Для выполнения задуманного плана надо было в конец расшатать Персию, путем возбуждения восстаний во всех углах ее. Действительно мы видим, как губернатор Хорасана Мохамед Таги (в конце 1921 г.) отказывается сложить свои полномочия и об'являет независимость провинции. Англичане оказывают ему оживленную поддержку аммуницией, а также отрядами южно-персидских стрелков. Одновременно в другом углу Персии на сев. западной границе вспыхивает восстание, руководимое известным курдским вождем Симко под лозунгом «независимость Курдистана». Пикантно, что советником Симко состоит только что упомянутый кап. Ноэль, благодаря чему связь между курдским движением и созданием южной федерации становится чрезвычайно прозрачной.

Перелом происшедший в внутренней жизни Персии, проявившийся в создании национального блока и в фактической диктатуре Риза хана — с его реформой армии — означал новую фазу в жизни персидских окраин.

Избавившись от военной оккупации англичан, Риза-хан смог приступить к разрешению основной задачи современной Персии: к централизации ее путем уничтожения всех остатков феодализма или независимости племен. Первые опыты были проделаны им в северо-западной Персии. Регулярная армия ликвидировала независимость шахсеван, макинского хана, азербайджанских ханов и т. д.; племена поголовно разоружались, а непокорные ханы отправлялись на виселицу.

Чувствуя, что у них ускользает из под ног наиболее надежная база для вмешательства в дела Персии, англичане не щадили средств для возбуждения восстаний, используя панический страх полунезависимых племен и их наследственных вождей и особенно феодалов перед централистскими замашками тегеранского диктатора.

В результате происходит ряд восстаний в Хорасане, Курдистане, Луристане и в стране бахтиар. К концу 1922 года все эти восстания были, однако, ликвидированы Риза ханом. Правда, персидскому правительству пришлось для этого употребить огромные усилия. Так, например, луристанская операция сопровождалась занятием всей линии Буруджир-Хоремабад, устройством военных постов, двух крепостей, проведением телеграфа и т. п.

После этого мы видим вторую серию восстаний, падающих на конец 1924 и 1925 годов: на северо-востоке происходит движение среди туркменского племени гоклан. Оно, несомненно, направлено одновременно против тегеранского правительства и против СССР, который как раз в районах восстания производит крупные заготовки хлопка. Затем вспыхивает восстание на северо-западной границе среди курдо-турецких кочевых племен пичдари; наконец, Симко вновь ведет наступление на Урмию, Хой и Салмас, причем среди его союзников находится известный англофил, курд сеид Таха.

Наиболее опасное для тегеранского правительства сепаратистское движение возникло, как и надо было ожидать, в южной Персии. Помимо значения южно-персидского побережья и долины реки Каруна для охраны путей в Индию, политическая организация Персидского Арабистана (или иначе Хузистана) — чрезвычайно интересуется Англию еще потому, что этот район так же, как и Мосульский, является центром британских нефтяных интересов.

Именно за последние годы добыча южно-персидской нефти обнаруживает необычайный подъем:

1914 — 19 г. г. —	1.106.415	тонн
1920 — 21 г. г. —	1.743.587	»
1922 — 23 г. г. —	2.959.028	»
1923 — 24 г. г. —	3.714.216	»

В 1925 году ожидается добыча уже $4\frac{1}{4}$ — $4\frac{1}{2}$ милл. тонн.

В связи с разработкой южно-персидской нефти, совершенно исключительное значение получило для Англии небольшое арабское княжество Мохаммера, скоро ставшее ее опорным пунктом на всем персидском побережье залива. Важность Мохаммеры объясняется тем, что она распо-

ложена на слиянии Шатт эль Араба и реки Каруна — ведущей в страну бахтиар, где как раз расположены важнейшие нефтяные источники. В 1909 году Англо-Персидская компания провела нефтепровод из промыслов к Мохаммере и выстроила поблизости нефтеочистительные заводы. Деятельность компании носит огромный размах: на ее промыслах и заводах работают 50.000 человек, она имеет 700 миль нефтепроводов, 333 судна и 164 мили железной дороги. Совсем недавно компания вошла в соглашение с правительством Ирака о расширении устья Шатт эль Араба — необходимом для движения нефтеналивных судов; она взяла на себя все расходы (достигающие 450.000 стерлингов) по производству работ, предполагая покрыть их путем повышения пошлин в Басре.

Все эти разнообразные и чрезвычайно крупные нефтяные интересы скрещиваются в Мохаммере, которая по своему географическому положению является буквально «воротами» к южно-персидской нефти. Немудрено, что англичане уже давно взяли шейха Мохаммеры под свое «особое покровительство», которое, несомненно, перешло бы в протекторат, если бы не противодействие со стороны России и других держав. Во всяком случае, в 1910 году Англия официально объявила, что она «находится в специальных отношениях с шейхом Мохаммеры и будет защищать его в случае нарушения его прав». Еще более окристаллизовались эти отношения с началом мировой войны. Не ограничиваясь коллективной гарантией, данной всем правителям областей вокруг Персидского залива о защите их свободы и религии, Англия специально гарантировала шейху Мохаммеры полную автономию, охрану династии, а также защиту против нападений со стороны любой державы. Как мы видим, во время мировой войны Мохаммера находилась лишь под номинальной властью Персии, фактически пользуясь «благами» английского протектората.

Шейх Мохаммеры — Хазаль, являвшийся, как мы видели, фактически независимым и в продолжение 15 лет не платившим никаких налогов правительству, не мог не испугаться централистских тенденций Риза-хана. Для выступления против персидского правительства шейх Хазаль использовал республиканскую агитацию, которая велась в течение 1923—24 г. г.. Он объявил себя «защитником конституции» и прерогатив шаха, просил последнего вернуться из Европы для совместного выступления против Риза-хана и, наконец, обратился к муштехидам Ирака (высшим религиозным авторитетам шиитов), прося у них санкции на выступление против «безбожного правительства» (в сентябре 1924 г.).

Опираясь на поддержку англичан, устроивших даже специальное совещание в Багдаде, Хазаль привлек на свою сторону всевозможные реакционные элементы Арабистана; он вступил в союз с бахтиарами и организовал вооруженные отряды (около 8.000 чел.), получая контрабандой партии оружия от англичан. Чтобы усилить свое положение, Хазаль обратился одновременно к другому ставленнику англичан, к шейху Файсалу, с просьбой о военной поддержке. Последний, как известно, согласился неофициально оказать ее, но на условиях включения Арабистана в состав королевства Ирака. Несомненно, что эта политическая комбинация означала бы объединение южно-персидской и месопотамской нефти в руках одного и того же хозяина, т. е. Англии. Сношения эти, впрочем, скоро сошли на-нет, и правительство Ирака, несомненно, по указке англичан, объявило о намерении сохранить полный нейтралитет, в случае вооруженного столкновения в Арабистане.

После этой подготовки, Хазаль послал в Тегеран резкую телеграмму, протестующую против узурпации Риза-ханом прерогатив шаха, почти равносильную объявлению войны. Риза-хан довольно долгое время не приступал к активным действиям против Арабистана, хотя парламент и объявил Хазалья мятежником. Объясняется это тем, что, сознавая серьезность восстания и весьма вероятную поддержку со стороны англичан, он находил необходимым предварительно накопить силы. Ликвидировав восстания в других районах Персии и произведя концентрацию войск, он, наконец, приступил к ликвидации восстания шейха Хазалья.

Какова же была позиция, занятая английским правительством в разыгравшемся конфликте, так близко затрагивавшем его самые жизненные интересы? Мы видим, прежде всего, что Англия не решается выступить открыто на вооруженную или хотя бы дипломатическую защиту своего старого клиента. Объясняется это, очевидно, тем, что английский империализм как раз в этот момент попал в чрезвычайно затруднительное положение в других областях Арабистана, а именно в Хиджазе и в особенности в Мосуле. Правда, англичане пробовали прибегнуть к обычной тактике угроз, послав тегеранскому правительству 2 ноты (в конце ноября 1924 г.), указывающие, что Хазаль находится под покровительством Англии и, что в случае, если военные действия, угрожающие нефтяным промыслам, не будут прекращены, то они оставляют за собой полную свободу действий. Однако все это было лишь дипломатической разведкой, которая обнаружила непоколебимую решимость Риза-хана принудить Хазалья к полной капитуляции. Выступать при таких условиях официально на защиту шейха

Мохаммеры почти означало решиться на войну с Персией. Для этого у английского правительства не было достаточных оснований; даже в лучшем случае это означало бы смертельный удар английскому влиянию в Персии, и без того ненавистному для самых широких кругов населения¹⁾. Наконец, в наиболее жизненном вопросе о нефти англичане сумели полностью гарантировать свои интересы. Отчет Англо-персидской компании указывает, что отношения ее с персидским правительством остаются вполне удовлетворительными. Правда, в Арабистане происходят незначительные столкновения, но «арена этих движений очень далека от наших промыслов, и мы получили гарантию от обеих сторон, что при всех обстоятельствах наши работы и собственность никоим образом не будут затронуты».

Англичанам оставалось лишь одно: постараться выиграть время и ослабить удар, угрожающий их верному клиенту. Для этого англичане любезно предлагают свое посредничество враждующим сторонам. Английский консул в Бушире — Перси Лорен — выезжает в ставку к Хазалю, чтобы содействовать его примирению с тегеранским правительством. Несомненно, что это посредничество преследовало цель юридического оформления независимости Арабистана.

Попытка англичан, однако, была разгадана Риза-ханом, и он не приостановил военных действий.

Оставшийся в одиночестве Хазаль не мог долго сопротивляться регулярным персидским войскам. В начале декабря началось наступление правительственных отрядов, заранее сконцентрированных в Исфахане и Керманшахе. После удачных действий против войск Хазалья и занятия Дизфуля, вожди и племена Арабистана отложились от него. Шейх посылает покаянную телеграмму Риза-хану, в которой указывает, что «был введен в заблуждение интриганами», просит принять его глубокое сожаление и выражает намерение отныне верно служить правительству. В ответ на это Риза-хан требует абсолютной сдачи и прибытия шейха с покаянной в ставку. После совершения этой унижительной церемонии²⁾ Хазаль получил помилование, хотя повсюду в мятежном Хузистане были оставлены правительственные гарнизоны.

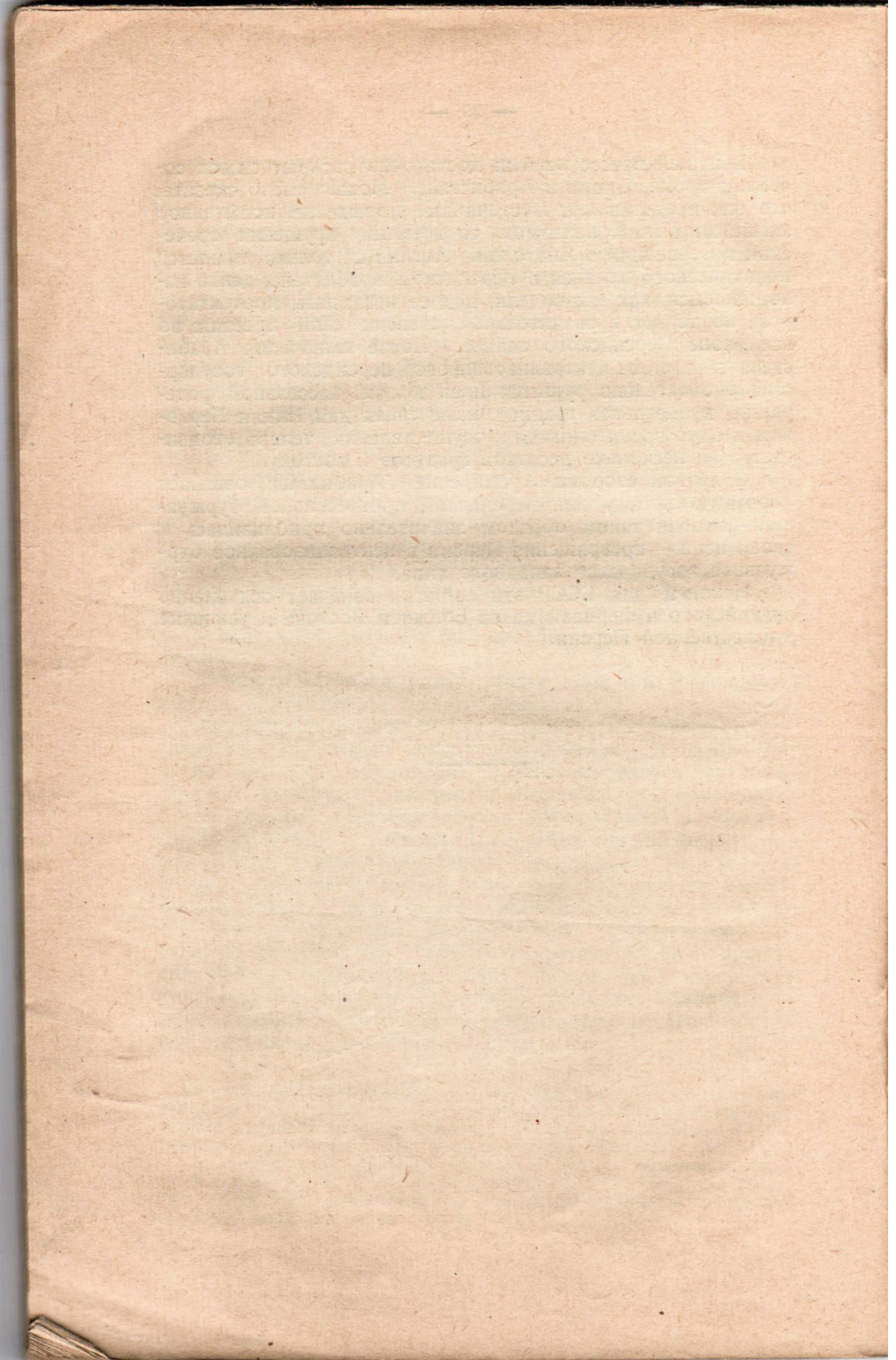
1) „Near East“ откровенно сообщает, что ненависть ко всему английскому доходит до того, что недавно в Азербайджане власти предложили купцам в 3-х месячный срок продать все английские товары, угрожая по истечении этого срока публичным сожжением их.

2) Под предлогом нездоровья Хазаль не явился, впрочем, лично, а послал своего сына. Впоследствии Хазаль был арестован по обвинению в подготовке новой авантюры (апрель 1925 г.) и, несмотря на протесты англичан, выслан из страны.

В нашей прессе не был достаточно раскрыт смысл событий, происшедших в Арабистане. Можно смело сказать, что они представляют жесточайшее поражение, испытанное английским империализмом со времени крушения греческой интервенции в Анатолии. Англия не только лишается политического влияния в Персидском Арабистане, давно находившемся, как мы видели, под ее негласным протектатором, но теряет в значительной степени свой престиж во всей зоне Персидского залива. После включения Арабистана в состав централизованного персидского государства окончательно рушится идея южной вассальной федерации, и идеальная граница, намеченная для Индии Керзоном и одно время близкая к осуществлению, теперь отодвигается на несколько десятков градусов к востоку.

С другой стороны «усмирение» Арабистана означает огромную победу для персидской прогрессивной буржуазии, которая таким образом значительно приблизилась к своей цели — превращения Персии в централизованное буржуазное государство западного типа.

Наконец, для СССР эти события означают ослабление английского империализма на Ближнем Востоке и усиление дружественной Персии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.

I. Борьба европейских держав за Персию.

	<i>Стр.</i>
1. Сношения Персии с Западом до XIX в.	
2. Англо-французская борьба.	16
3. Англо-русская борьба. I-ый период: торговые соперничества 30—66 г. г.	19
4. Англо-русская борьба II-ой период: экспансия в Средней Азии	23
5. " " " III-ий период: „мирное проникновение“ в Персию.	26
6. Русские жел.-дорожные планы. Немецкое проникновение.	31

II. Конституционное и революционное движение в Персии.

1. Социальная структура современной Персии.	39
2. Конституционная борьба	45
3. Крушение абсолютизма	50
4. Государственный переворот. Борьба с реакцией	55
5. Крах конституционного движения.	58
6. Закабаление Персии Англией и Россией	62

III. Персия во время мировой войны и после нее.

1. Военные действия в Персии.	67
2. Операции англичан в Персии и Закавказьи после Октябрьской революции.	72
3. Апогей британского влияния и упадок его	77
4. Борьба англичан против Р.С.Ф.С.Р.	83
5. Кристаллизация политической борьбы.	88
6. Централизация Персии	92

OTRABALLENE

OTRABALLENE

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОМЕТЕЙ“.

Москва.

ТИПОГРАФИЯ:

Никольская 1/3.
тел. 3-74-60.

ПРАВЛЕНИЕ: Страстной б. д. 8
тел. 4-39-70.

Магазин:

Моховая 26.
тел. 5-80-68.

Готовится к печати:

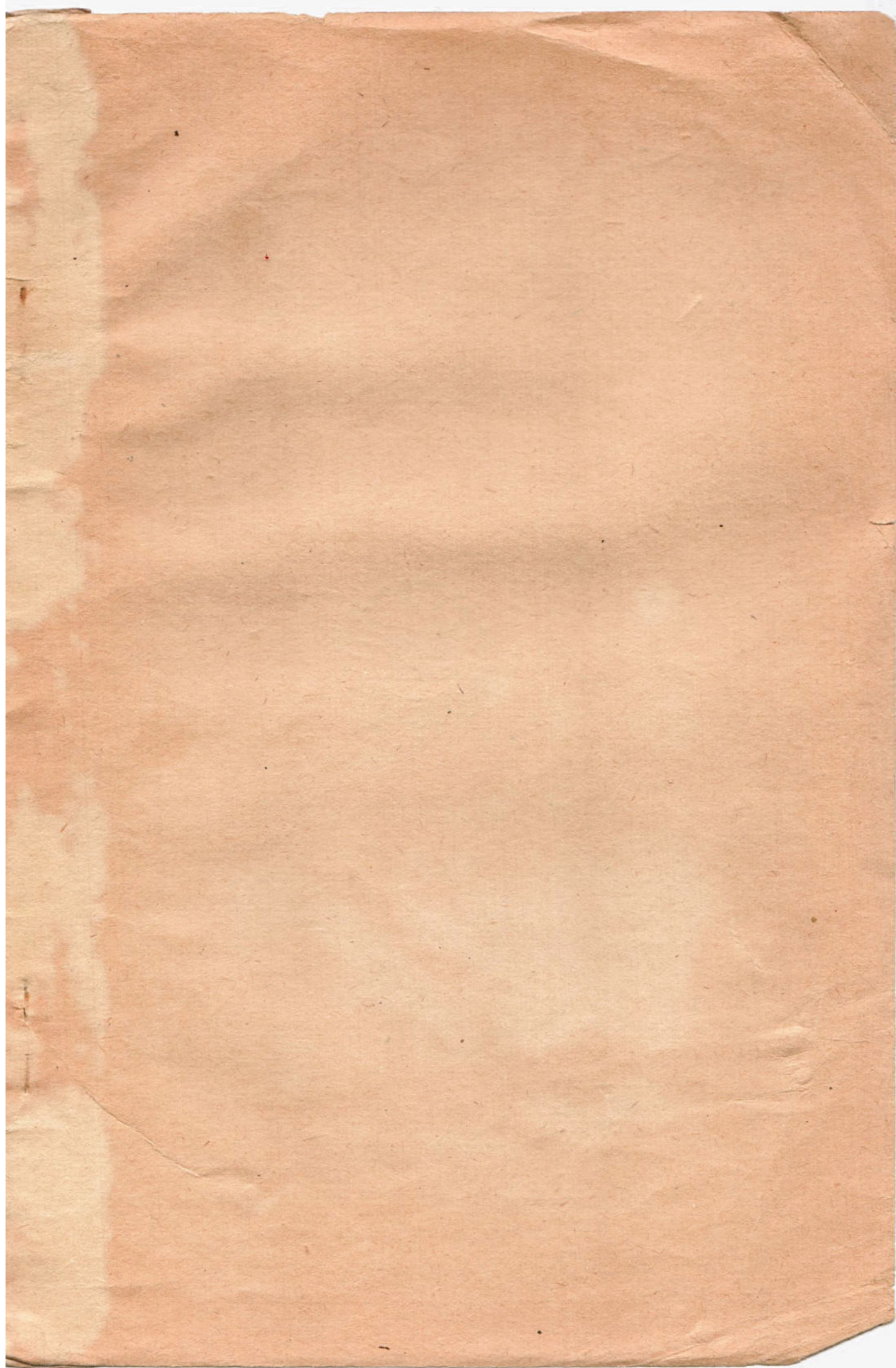
ЛЕНИНИЗМ. Семь выпусков, в вопросах и ответах.

„Нет сомнения, что применяемый метод изложения учения ленинизма в вопросах и ответах является лучшим способом популяризации ленинизма, и о значении работ, составленных по этому методу, говорить не приходится“. (Из отзыва в „Правде“.) Девять десятых ответов изложены исключительно словами Ленина, и такое изложение ответов, естественно, повышает ценность и значение каждого отдельного труда этой серии. В последнее время появились попредметные издания цитат Ленина; это — интересные работы справочного характера, но в них теряется диалектическая перспектива и иногда получаются как бы внутренние противоречия или разногласия там, где имеются лишь мысли, относящиеся к разным этапам и моментам. Указанные дефекты по возможности устранены авторами настоящих выпусков, и надо, поэтому, полагать, что книги эти сумеют проложить себе дорогу также и в качестве руководств и пособий к изучению ленинизма.

1. Стучка П. Ленинизм и Государство (политическая революция).
Вышел из печати, цена 40 коп.
2. Адоратский В. Теория и практика ленинизма (революционный марксизм).
3. Стучка П. Ленинизм и Крестьянство (аграрная революция).
Вышел из печати, цена 60 коп.
4. Кнорин В. Ленинизм и Партия (социалистическая революция).
5. Стучка П. Ленинизм и национальный вопрос (революция угнетенных национальностей).
6. Пашуканис Е. Ленинизм и империализм (всемирная революция).
7. Печак К. Экономическая политика и ленинизм (экономическая революция).

Я784

Цена 95 коп.

Переучет
1961 г.

ПЕРЕУЧЕТ
1961 г.

1966

1956
[Handwritten signature]

[Small handwritten mark]